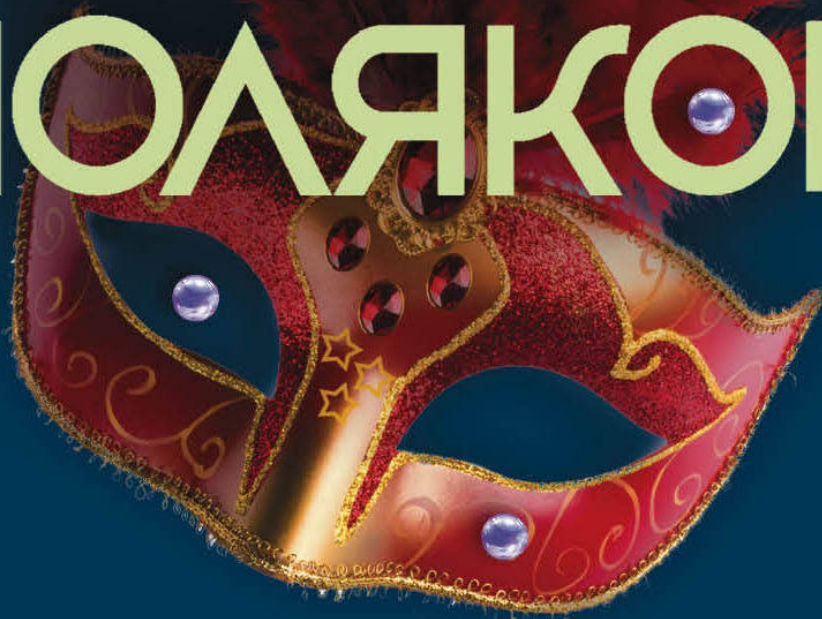

ЕЁ МАЛЕНЬКАЯ ТАЙНА

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова
Ее маленькая тайна

«ЭКСМО»

1998

Полякова Т. В.

Ее маленькая тайна / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
1998 — (Авантюрный детектив)

ISBN 5-699-08116-X

Способна ли молодая женщина, бывшая учительница литературы, объявить войну мафии? Варя Салтыкова случайно становится жертвой бандитской разборки. Чудом избежав гибели, после нескольких сложнейших операций Варвара обнаруживает в себе таинственный дар... Уехав из родного города и заработав кругленькую сумму «предсказательством», Варя делает пластическую операцию и возвращается домой. И вот тут-то бандиты города начинают получать сюрприз за сюрпризом. Да такие, что среди них возникает настоящая паника...

ISBN 5-699-08116-X

© Полякова Т. В., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Татьяна Полякова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Полякова Ее маленькая тайна

Моей подружке Ирочке с любовью и благодарностью

Эта история началась в казино. Только не подумайте, что я из тех женщин, которые вечно там обретаются. Вовсе нет. На момент начала этих событий я была исключительно скромна и даже невинна (звучит довольно глупо, но я не любительница копаться в памяти, подбирая слова и выражения). В общем, несмотря на свой возраст, я была скромна до безобразия, чем нервировала подруг и настораживала маму, а к азартным играм равнодушна, да и денег у меня не было, так что мое появление в казино в тот вечер объяснялось чистой случайностью.

Заканчивался сентябрь, в воскресенье ожидался День учителя – святой для меня праздник, который следовало отметить. Вот я впервые в жизни и отправилась с коллегами в ресторан. Идея принадлежала Ирке Вячеславской, она так же, как я, год назад окончила институт и трудилась в нашей школе. Учились мы вместе, только Ирка на физмате, а я на историческом, но в отличие от меня подружка занималась ни шатко ни валко, большую часть времени посвящая личной жизни, однако диплом получила без труда, а теперь мечтала в очередной раз выйти замуж.

– Если в институте замуж не вышла, – поучала она меня каждое утро, – считай, пятьдесят на пятьдесят – загнешься в девках.

Ирка и замуж вышла, и успела развестись еще в институте, я же вызывала у нее жалость и недоумение.

– Ты красивая девка, – хмурилась она. – Чего ж так не везло? – И тут же возвращалась к наболевшему: – Школа – жуткое болото. В первый год не выйдешь замуж – все, засосет. Коллектив бабский, целый день торчишь на работе, к вечеру на человека не похожа... Охнуть не успеешь, а уже двадцать семь. А после двадцати семи бабы объявления в газеты пишут: «Одинокая, симпатичная, мечтает познакомиться...» – В этом месте Ирка обычно зло хмурилась, потом вздыхала и смотрела на меня с укором: – А ты, чудо природы, о чем думаешь?

Я улыбалась и пожимала плечами, хотя Иркины речи производили впечатление.

Мои родители развелись, когда мне было четыре года. Росла я в окружении женщин: мамы, ее старшей сестры и бабушки. Мужчины были для меня существами диковинными, я взирала на них с любопытством и опаской.

В школе, с пятого по одиннадцатый класс, дружила с одним мальчиком, у него было плохое зрение, иногда я сомневалась: видит ли он меня вообще? Наверное, видел, так как говорил, что я красивая. Хотя, возможно, он врал.

Встречаться с ним я стала исключительно из чувства противоречия: вдобавок к плохому зрению он шепелявил, был толстым коротышкой, любил читать умные книги и всех поучать. Дружить с ним никто не хотел. Мне стало его жалко. Жили мы по соседству, из школы он обычно брел за мной на расстоянии в пару метров, однажды я не выдержала и сказала:

– Ну чего ты там плетешься? Бери портфель и иди рядом.

Он схватил мой портфель и вроде был счастлив.

На следующий день старался не отходить от меня и даже пересел за мой стол, уговорив Димку Караваева поменяться с ним местами. Разумеется, это не осталось незамеченным. Одноклассники недоумевали. Так как недоумение они выразили в довольно грубой форме, я стиснула зубы, нахмурилась и подружилась с Вовкой Воробьевым, так звали коротышку, семь лет. Как минимум трижды в неделю мне очень хотелось его придушить.

Наконец мы окончили школу. Вовка уехал в Москву, поступил в МГУ, а я в пединститут, по соседству с нашим домом, – мама решительно заявила, что учиться в другой город меня не отпустит.

В нашей группе было пять ребят. Четыре красавца, пристроенных в институт богатыми родителями, а пятый – рыжий, с оттопыренными ушами и круглой физиономией. Взглянув на него впервые, я глубоко вздохнула.

Через две недели он начал смотреть в мою сторону с томлением, через месяц рискнул заговорить, а еще через две недели проводил домой. Разумеется, мне стало его жалко.

Где-то с третьего курса он начал строить планы по поводу нашей дальнейшей жизни, а я настороженно молчала. Примерно в это время в нашей семье случилось несчастье. Бабушка со своей старшей дочерью, моей теткой, отправились на дачу и попали в аварию. Обе скончались на месте происшествия, а мама оказалась в больнице с инфарктом. После гибели родных она до конца так и не оправилась и вскоре вышла на инвалидность. А я, запустив учебу из-за этих событий, отправилась пересдавать экзамен на дом к одному преподавателю. Он отличался повышенным интересом к студентам женского пола, масляным взглядом, некоторой игривостью и весьма солидным возрастом. Его квартиру я покинула через пятнадцать минут в состоянии, близком к истерике. И порадовалась, что мой рыжий коротышка скромненький, тихий и рук не распускает.

К этому моменту знакомые ребята поставили на моей особе жирный крест, охотно делились со мной секретами, беспардонно пользовались моей добротой и считали меня «своим парнем»: приглашали в походы, просили передать записки девушкам и дарили ко дню рождения хорошие книги. В целом меня это устраивало. Беспokoил только коротышка. То, что на него придется потратить очередные несколько лет, было ясно, но ближе к окончанию учебы он все чаще заговаривал о женитьбе. Я начала беспокоиться: твердо сказать «нет» я вряд ли смогу, а жить с ним в любви и согласии у меня просто не получится.

К счастью, он смертельно боялся службы в армии, поэтому после окончания института отправился в сельскую школу. Находилась она в отдаленном районе, где ощущались проблемы с транспортом, приезжал редко и неизменно заставал меня погруженной в школьные дела. Визиты становились все реже, о женитьбе он почти не заговаривал и при встрече все чаще отводил глаза. Догадавшись, в чем дело, я собралась с силами, нанесла ему неожиданный и короткий визит, застала в компании с розовощекой брюнеткой лет тридцати и с облегчением вернулась домой: вопрос о моем замужестве был снят с повестки дня.

Еще в седьмом классе я прочитала «Джейн Эйр» и начала мечтать о любви. Само собой, огромной и на всю жизнь. Теперь наблюдения за окружающими мужчинами настораживали: огромной любовью не пахло, а время шло. А тут еще Ирка. Утро она начинала фразой: «Что день грядущий нам готовит? Ничего хорошего...» – а заканчивала: «Ну вот, еще один день кобелю под хвост». Вообще обстановка в учительской располагала к беспокойству, мужчин было только трое: физрук, тихий пьяница без гроша в кармане с постоянной ласковой просьбой одолжить двадцатку, математик в весьма преклонном возрасте, усталый и издерганный, и трижды женатый физик, на досуге изготавливающий модели аэропланов, которые никак не хотели летать. Остальной учительский состав женский, причем только трое из женщин могли похвастать семейным счастьем, прочие мечтали выйти замуж или развестись, растили детей, ругались из-за нагрузки и занимали друг у друга деньги до зарплаты. «Загнемся здесь», – злое шептало Ирка и всячески пыталась расшевелить застоявшееся болото.

На День учителя нам выдали премию. По нынешним временам она была смехотворна, и педколлектив, вздыхая и томясь, стал прикидывать, на что ее можно потратить.

– В ресторан сходить, – тут же влезла Ирка. – В конце концов – наш праздник.

– Только с нашей премией в ресторан и идти, – хмыкнула Зойка, англичанка и мать-одиночка.

– А ты своих добавь, – съязвила Ирка.

– А то они есть.

– Зарплату дали.

– А жить на что, умница? Тебе хорошо одной, пустой картошки натрескаешься, а у меня ребенок, ему витамины нужны.

– Ну... заладила, – разозлилась Ирка. – Что за люди? Раз в году можете себе праздник устроить?

– А мне и пойти не в чем, – подняв голову от тетрадей, вздохнула Светка. – Вот в этом платье, что ли? Срамота... Девчонки сейчас так одеты, а мы в обносках... Да кто на нас в твоём ресторане посмотрит? Только комплексы наживать.

– Кончай ныть, ты баба видная, а платье – тьфу... что-нибудь подыщем.

Светка усмехнулась, но задумалась и весь день была тихой. Обычно к пятому уроку она так орет, что в стену стучать приходится, а в тот день была ласкова, дети даже перепугались и тоже затихли. В общем, тех, кому еще не стукнуло пятьдесят, идея увлекла. Стали гадать, куда пойти.

– Места заранее заказать надо, – разволновалась Зойка. – Вдруг не одни мы такие умные...

– Вот именно. Заявимся в ресторан, а там одни бабы.

– Хорош базарить! – рявкнула Ирка, радуясь, что дело сдвинулось с мертвой точки. – Я вас в такое место поведу, где мужиков полно будет.

На лицах окружающих читалось недоверие пополам с надеждой.

Меня предстоящий поход не очень волновал. Я-то знала: даже если мы окажемся там, где ошивается сотня красивых и до пятницы совершенно свободных мужиков, я непременно подберу одного – невзрачного, несчастного и безденежного.

Между тем Ирка свое слово сдержала: вывела нас в люди. В последний момент у большинства коллег нашлись срочные дела, и в ресторан мы отправились вчетвером. Ирка в сногсшибательном вечернем платье, Светка в привычном костюме с сумкой под мышкой, не знающая, куда деть руки, Зойка в моей блузке, то и дело нервно протирающая очки, и я, на редкость спокойная, потому что твердо знала: ничего хорошего мне здесь не светит.

Мы подъехали на такси к огромному девятиэтажному зданию бывшей гостиницы «Интурист». Через весь фасад горели буквы: «Казино».

– Куда это мы? – испугалась Зойка.

– А то не видишь? – Ирка грозно нахмурилась.

– Так ведь в ресторан хотели...

– Будет тебе ресторан... Сто лет в этом городе живешь и не знаешь, где чего есть... Срамота.

Ресторан в самом деле был. Огромный и почти целиком заполненный. Мне стало ясно, что Ирка сваяла дурака: мужики в ресторане, конечно, были, может, и свободные, но нас здесь вряд ли кто из них сможет разглядеть.

Подошел молодой человек в дорогом костюме, окинул нас оценивающим взглядом и без особой радости поприветствовал, после чего проводил к столу в самом центре зала. По соседству, за сдвинутыми столами, готовились отмечать День учителя наши бывшие преподаватели из пединститута, в основном женщины, возбужденные и веселые. Справа, почти в полном составе, восседал коллектив средней школы номер двенадцать.

– Они что, все с ума посходили? – ахнула Ирка, девчонки приуныли, а я начала осваивать меню. Разочарования я переношу легко, потому что заранее к ним готова. В тот вечер я намеревалась получить максимум удовольствия: на людей посмотреть, музыку послушать и съесть что-нибудь вкусенькое.

Через час девчонки решили, что нам точно не повезет, и с отчаяния приналегли на водку. Пошли разговоры по душам, и в мужской половине человечества надобность отпала. Еще через два часа мы пришли к выводу, что вечер удался, «хорошо сидим» и все такое, Ирка высмотрела парня через стол от нас и принялась ему улыбаться. Он проникся и пригласил ее танцевать. К нам Ирка больше не вернулась, отбыла через полчаса, сделав на прощание ручкой. Зойка со Светкой завистливо вздохнули и единогласно решили, что Ирке везет, а вот нам – нет и пора отправляться по домам.

Отвалив премию и часть зарплаты официанту, мы, поддерживая с двух сторон Зойку, направились в гардероб. Бог знает откуда возникли два мужичка, сильно навеселе. Зойка повисла на плече одного из них и затеяла разговор по душам. Он оказался на редкость душевным парнем, его дружок тоже, ухватил меня за локоть и пытался что-то сказать, при этом чуть не плакал: то ли от избытка душевности, то ли от количества выпитого. Я весьма кстати вспомнила, что оставила сумку в зале, и вернулась в ресторан, перепоручив плачущего парня Светке.

Сумка висела на стуле, никто на нее не посягал. И правильно: взять все равно нечего. Вернувшись к гардеробу, ни подруг, ни парней я не застала. Вышла на улицу и успела заметить, что они загружаются в такси, начисто забыв обо мне. Не могу сказать, что меня это огорчило.

Я свернула за угол, с намерением кратчайшим путем достигнуть остановки, и тут подумала, что путь мне предстоит неблизкий и не худо бы сходить в туалет. Поэтому я вернулась в ресторан. Извинилась на входе, сообщила швейцару, что оставила косметичку, а убедившись, что он, потеряв ко мне интерес, смотрит в другую сторону, быстренько свернула в коридор и заспешила ко второй справа двери с изображением дамы в кокетливой шляпке.

Туалет был пуст, это дало мне возможность рассмотреть себя в зеркале, улыбнуться, поправить прическу, подкрасить губы и с чувством выполненного долга покинуть данное место.

Я закрыла дверь, на ходу достав перчатки из сумки, сумка соскользнула с плеча, и из нее вылетел тюбик с губной помадой. Я резко повернулась направо и треснулась лбом о лоб молодого человека, который джентльменски поднимал мою помаду.

– Извините, – проблеяла я, а он засмеялся, потирая ушибленное место.

– Ерунда. В таких случаях говорят: родными будем.

Не знаю, как он, а я была бы не против того, чтобы заполучить такого родственника. Парень был года на три старше меня, высок, красив, одет в дорогой костюм, белую рубашку с галстуком, на котором сверкала булавка с бриллиантом, вроде бы настоящим, а вот обручальное кольцо отсутствовало, и это почему-то обрадовало, хотя повода для радости я не видела. Ну тюкнулась лбом с симпатичным парнем, это вовсе не значит, что мне вдруг повезет. Никогда мне не везло и сегодня не повезет. Так что есть кольцо или нет, меня это тревожит мало.

Я торопливо застегивала сумку, парень меня разглядывал, а я с тоской подумала, что пальто ношу с четвертого курса и против его булавки оно не тянет. «Ну и черт с ним!» – мудро рассудила я и, сказав еще раз «извините», гордо зашагала к выходу.

– Варя, – вдруг позвал он, а я от неожиданности замерла и вроде бы даже вытаращила глаза.

Парень заспешил ко мне, широко улыбаясь.

– Я слышал, как вас называли подруги, – пояснил он, вновь оказавшись рядом. – Если честно, я за вами наблюдал весь вечер.

«Лучше б ты пригласил меня танцевать», – мысленно съязвила я, а вслух произнесла нейтрально:

– Да?

– Да. Наблюдал, но подойти не решился.

Я нахмурилась, парень явно морочил мне голову. Как-то не верилось, что такой тип может страдать застенчивостью, а про себя я точно знала: выгляжу я училкой, и ничего с этим

не поделаешь. Можно, конечно, снять очки и выдать лучистую улыбку, она у меня неплохо получается, но через полчаса он все равно сообразит, кто перед ним, так что и напрягаться не стоит.

– Ну и как? – на всякий случай поинтересовалась я, неотрывно глядя на его галстук. Этот самый галстук меня и доконал: с мужчинами у меня всегда были проблемы, а в галстук я могла припомнить только одного: нашего бывшего трудовика, уволенного за пьянство в начале зимы. Но у того галстук был похож на тряпку и вечно сбивался на сторону.

– Что как? – второй раз переспросил парень.

Увлечшись созерцанием его галстука, я начала страдать глухотой в легкой форме.

– Как наблюдение? – вздохнула я.

– По-моему, вы очень красивая.

«Возможно, – согласилась я опять-таки мысленно. – Только вот из этого заведения пойду одна».

– За красивую спасибо, – ответила я и направилась к двери. – Извините, мне пора домой.

– По-моему, ваши подруги уже отбыли.

– Точно, а я тороплюсь на последний троллейбус.

– Что, если я вас провожу?

В этом месте я пожалала плечами и совсем уж хотела обрадоваться, но тут же себя одернула: «Он женат. И к тому же бабник. А кольцо не носит из хитрости». Я заспешила к выходу, а он произнес вдогонку:

– Я вас на углу буду ждать, ближе к остановке.

С этими словами парень исчез в боковом коридоре, а я, раскрасневшаяся и малость растерянная, выпорхнула из ресторана. Глубоко вздохнула и для начала посмотрела по сторонам. Парень был в костюме и исчез в коридоре. На улице холодно, а за пальто он в гардероб не пошел. Выходит, верхняя одежда пребывает у него где-то в другом месте. Значит, он из гостиницы. Приехал в наш город по делам и заодно решил развеяться. Ну и что нам светит, многоуважаемая Варвара Сергеевна? Краткий роман с заезжим ловеласом? В общем, ничего нам не светит. Так что топай на троллейбус и забудь про этого типа.

В этот момент я как раз достигла угла, и вышеозначенный тип возник передо мной точно из-под земли. А я обрадовалась и сказала:

– Привет.

Он засмеялся и тоже сказал:

– Привет, – и взял меня за локоть. Осторожно, даже с робостью и без всякого намека на нахальство. Вот тогда я и решила, что мне, пожалуй, повезло. – Где вы живете? – спросил он, я ответила, а он вроде бы порадовался: – На троллейбусе пять остановок. Что, если мы немного прогуляемся? Или на такси?

– Прогуляемся, – ответила я, радуясь, что парень хорошо ориентируется в городе. Может, он вовсе и не приезжий.

– Меня зовут Саша, – сообщил он, притормозив, и засмеялся. Я тоже засмеялась и окончательно уверилась: повезло. Знай я тогда, что это за везение, бросилась бы от него со всех ног.

Мы не спеша двинулись по проспекту. Я неожиданно для себя разговорилась, чувствуя необычайную легкость, одним словом, была в ударе. Он коротко поведал историю своей жизни. Родился, вырос и живет в нашем городе, сегодня встречался с партнером по бизнесу из Москвы, партнер малость перебрал и теперь отдыхает в гостинице, а Саша безумно рад, что в этот вечер оказался в ресторане, иначе как бы мы с ним встретились?

Чем ближе подходили к моему дому, тем отчетливее я понимала, что наконец влюбилась. И вовсе не потому, что у него дорогой костюм и он какой-то там бизнесмен, а потому, что могу болтать с ним о чем угодно, держать за руку, смеяться и в самом деле чувствовать себя красивой.

Когда мы остановились возле подъезда, я испугалась, что все разом кончится. Саша скажет мне «до свидания», запишет телефон, по которому никогда не позвонит, а потом скроется из моего двора и из моей жизни, а я подожду звонка денек-другой, потом вздохну и скажу самой себе: «Что ж, не повезло...» Мне хотелось зареветь от жалости к себе, но это было глупо, и реветь я не стала.

– Где ваши окна? – спросил он с заметной грустью.

– На пятом этаже. Вон те, видите...

– Мама уже спит?

– Мама на даче. Она у меня на инвалидности и до первого снега предпочитает жить в деревне. А я к ней езжу каждый выходной.

– Ясно. А ничего, если я попрошусь в гости? На пять минут. Телефон у вас есть? Вызову такси, уже поздно, а мне добираться на другой конец города.

– Телефон есть, и вызвать такси вы, конечно, можете.

Мы поднялись в квартиру, но бросаться к телефону Саша не спешил. Снял пальто и прошел в гостиную, улыбался так хорошо, что язвить насчет такси, а тем более выставлять его за дверь совсем не хотелось. Поэтому я пошла в кухню варить кофе, накрыла на стол и замерла на мгновение, глядя в окно. Саша подошел сзади, обнял меня, я вздрогнула, может, от испуга, а скорее от счастья, и повернулась к нему. И он меня поцеловал. Сначала один раз и очень нежно. Потом поцелуи стали жарче, а объятия теснее. «А почему бы и нет?» – решила я и махнула рукой на свое невезение.

В любом случае в ту ночь мне повезло, да так, что и не снилось. То есть я, конечно, мечтала о чем-то подобном, но через час поняла, какими дурацкими и детскими были эти мечты, на самом деле все было гораздо проще и прекраснее... В общем, я провела восхитительную ночь. С утром было сложнее.

Разбудил меня телефонный звонок. Я вскочила, с перепугу спутав его с будильником, и, только дважды тряхнув головой, сообразила, что сегодня суббота, выходной день и вскакивать по тревоге не имело смысла. Вспомнив об этом, я припомнила кое-что еще и удивленно огляделась. Постель рядом была пуста.

– Саша! – крикнула я и взглянула на часы. 7.30. Где Саша и кого угораздило звонить в такое время?

Я схватила трубку и услышала Иркин голос.

– Варька, ты как? – пьяно спросила она.

– Никак, – огрызнулась я.

– Слышь, подруга, ты одному мужику понравилась. Крутому. Познакомиться с тобой хотел, да, видно, проворонил, исчезла ты прекрасным видением. Верить – нет, расспрашивал о тебе. Валька, официант, который нас обслуживал, он меня немного знает, так вот Валька сказал, что ты моя подруга. И этот приперся ко мне. Мужик-то... Адрес твой спрашивал. Жди в гости. Чувствуешь, какую я о тебе заботу проявляю? Цени.

– Сдурела ты, что ли? – крикнула я и бросила трубку.

После чего побежала в ванную. Свет не горел, вода не включена, и Саши там, конечно, не было. В кухне и остальных местах моей квартиры тоже. И ничто, кроме моих воспоминаний, на его присутствие не указывало.

Я немного побегала, стараясь обнаружить послание или хотя бы номер телефона, записанный впопыхах на клочке бумаги. Ничего.

В прихожей я сползла на пол и горько заплакала, но минут через десять обругала себя матерно и пошла умываться. После чего еще раз обследовала квартиру на предмет пропавших вещей. Все вещи пребывали в сохранности, и это слегка утешило: не хватало только объяснений с мамой.

Я перебралась на постель и заревела вторично, тихо и горько, и редела до тех пор, пока не услышала звонок в дверь. От неожиданности я сначала подскочила, а потом со всех ног кинулась в прихожую. Воображение услужливо рисовало одну картину радужнее другой: Саша на пороге с огромным букетом и счастливой улыбкой и все такое прочее.

На пороге стояли трое ребят, крепких и суровых, а счастливыми улыбками даже не пахло. Только я собралась задать банальный вопрос: «Вам кого?» – как ближайший ко мне парень пнул меня ногой в живот, и я, охнув, влетела в зеркало родной прихожей, причем с такой силой, что разбила его, на пол посыпались осколки, бравые ребята вломились в квартиру, двое рассредоточились, а третий схватил меня за волосы и спросил:

– Где он?

– Кто? – в полном недоумении проблеяла я и получила кулаком в челюсть. Лишилась пары зубов и быстро уразумела, кто здесь задает вопросы.

Через двадцать минут у меня не было от гостей никаких секретов. К сожалению, их интересовал только один, но я его не знала. Парням потребовалось более двух часов, чтобы убедиться в этом. Что происходило в этот временной промежуток, мне вспоминать не хочется, скажу только, что я очень сожалела о своей живучести и боялась, что никогда не умру.

Квартиру я покинула в бессознательном состоянии. Почему они просто не оставили меня подышать в родном доме, а, рискуя обратить на себя внимание, поволокли куда-то, ответить не берусь. Может, полутрупы в квартирах оставлять им не положено, а может, ребята были шутники, в общем, меня загрузили в машину и вывезли за город. В двух километрах по объездной дороге притормозили на мосту и сбросили мое брэнное тело с очень приличной высоты. Так как я все еще пребывала без сознания, парни с чувством выполненного долга удалились в твердой уверенности, что судьба нас больше не сведет (так оно, кстати, и вышло): если через какое-то время я и всплыву, поведать миру о своих гостях никоим образом не сумею.

Однако я не оправдала их надежд. Ополоснувшись в холодной водичке, я совершенно неожиданно пришла в себя и даже каким-то образом смогла добраться до берега. Этот эпизод я практически не помню, что, впрочем, неудивительно, и склонна считать, что чудесным спасением обязана вмешательству свыше. Именно благодаря этому самому вмешательству в тот момент вблизи берега объявился милицейский патруль. Что они там делали, сказать трудно, главное, что углядели меня, вызвали «Скорую», та прибыла в рекордно короткие сроки, и я очень быстро оказалась на больничной койке, где и провалялась два месяца.

За это время меня несколько раз посещали сотрудники милиции, и я в меру сил пыталась им помочь, то есть рассказывала снова и снова про визит незваных гостей и про то, что последовало далее.

Мои воспоминания были весьма смутными, никто из соседей ничего не видел, никто из водителей при довольно бурном движении не углядел в тот день на мосту ничего подозрительного, и парней, естественно, не нашли. Зато я кое-что смогла узнать о Саше и даже полюбоваться на его фотографию, любезно предоставленную мне сотрудником милиции в целях опознания.

Александр Викторович Завражный, по кличке Монах (почему Монах – понять трудно, мой возлюбленный на одну ночь мог похвастать огромным количеством любовных походов), так вот этот самый Монах давно и принципиально был не в ладах с законом, а к моменту нашей встречи находился в весьма прохладных отношениях с некоторыми боевыми друзьями, и они имели к нему претензии, а меня угораздило пригласить его к себе как раз в тот момент, когда бывшие друзья прямо-таки горели желанием с ним повидаться. В общем, не повезло мне.

История эта длительное время имела популярность в городе, о ней писали в газетах, болтали в троллейбусах, а на моем примере неразумных женщин предостерегали от случайных знакомств. Мне в роли случайной жертвы бандитских разборок было очень больно и, что еще хуже, стыдно.

Где-то дней через двадцать, когда я начала приподниматься в постели, я смогла увидеть свое лицо в зеркале и упала в обморок. Вид жуткой физиономии и последующий засим стресс несколько замедлили период выздоровления. Врачи, отнесшиеся ко мне с большой чуткостью, утверждали, что следов практически не останется, время все залечит, челюсть мне собрали, склеили и сшили, зубы можно вставить, а глаза, слава богу, целы. Еще две операции, и меня поставят на ноги.

Я слушала, кивала и пыталась понять, как это все могло произойти со мной?

Больницу я покинула, но дома стало еще хуже: я боялась находиться в квартире, боялась из нее выйти, боялась звонков в дверь и звонков по телефону, а также боялась смотреть в зеркало и тяготела к стенному шкафу, в темноте которого чудилась безопасность. Ночью мне снился один и тот же сон, я металась, орала и изводила соседей, потому что дом у нас панельный и слышимость хорошая.

В одно раннее утро, в самом начале весны, пользуясь тем, что мама лежит в больнице и я предоставлена самой себе, я вышла на балкон и с некоторым облегчением сиганула с него вниз. Однако прямо под балконом росло дерево, а снег еще не сошел. Ничего не сломав, я оказалась в первой психиатрической больнице, в палате номер шесть, в компании совершенно сумасшедшей девицы лет девятнадцати, повредившей рассудок на почве безумной страсти и религиозности. Она собиралась стать монахиней, но вдруг влюбилась, с любовью не повезло, и в результате она теперь прохлаждалась на соседней койке.

Мы вели с ней долгие беседы, философствовали, плохо спали по ночам и прониклись друг к другу большой симпатией. Именно сумасшедшая Валька сказала мне как-то ночью:

– Бог тебя дважды спас от смерти. Значит, ты не просто так сюда явилась, а есть у тебя на земле какое-то дело, и он, бог то есть, в отношении тебя имеет виды. То есть не просто так на свет тебя произвели, а с какой-то надобностью. И ты с балконов сигать завязывай, а прислушайся. Бог даст тебе знак, и тут главное не ловить ворон, а внимательно слушать и строго следовать. Слышишь, Варвара?

– Слышу, – кивнула я. – У тебя диагноз какой? По секрету скажу: ты ему соответствуешь.

Однако думать о том, что господь проявлял заботу и спасал меня, было приятно, правда, кое-что меня мучило, и я спросила Вальку не без ехидства:

– Если у господа в отношении меня какие-то планы, почему б ему не избавить меня от неприятностей? Сделать так, чтобы всякие психи не крушили мне челюсть, и все такое, а я бы шла к намеченной цели без увечий. По-моему, пользы от меня было б несравненно больше.

– Дура ты! – рассвирепела Валька. – Он посылает тебе испытания. Неужели не ясно? Выполнить божью волю ох как непросто, и ты должна соответствовать.

– А он тебе ничего не говорил, как долго будут длиться эти испытания? – поинтересовалась я. В ответ Валька швырнула в меня подушкой и вроде бы обиделась. Я отвернулась к стене, заметив ворчливо: – Если у тебя с господом есть прямая связь, намекни ему, пожалуйста, что я не люблю ждать.

– Надо иметь терпение и быть внимательной, – поучала Валька. – Вот увидишь, знак будет.

Явились ли последующие события божьим перстом – судить не берусь. Вот так запросто, чтобы я могла понять, господь мне ничего не сказал, но далее начались вещи удивительные и даже странные. Как именно господь беседует с нами, грешными, я не знала, а потому вскоре поверила Вальке, что все происходящее – не иначе как божий промысел.

А начались чудеса утром в среду. Мы готовились к обходу, Валька рассматривала потолок, как всегда, с заметным интересом, а я неожиданно для себя сказала:

– Да не бойся ты этих уколов. Смотри в сторону и думай о чем-нибудь нейтральном. А то тарацишься на иглу и сама себя пугаешь.

– Откуда ты знаешь, что я боюсь? – спросила она.

– От верблюда, – хмыкнула я.

Вместо того чтобы ответить что-нибудь заковыристое, Валька переместилась ко мне на кровать, уставилась на меня пронзительно и даже дико и ласковым голосом повторила:

– Откуда ты знаешь, что я боюсь уколов? Я тебе об этом не рассказывала.

– Слезь с моих ног, больно, ноги у меня многострадальные, и их жалко.

Валька примостилась сбоку, не отрывая от моего лица горящего взора, и еще раз спросила:

– Как ты узнала?

– О господи, – покачала я головой. – Догадалась, заметила, сообразила...

– Да? – Валька нахмурилась, подрыгала ногой, а потом сказала: – А ты знаешь, как я пошла в первый класс?

– Как все, – разозлилась я.

– Понятно, как все. А что-нибудь такое со мной случилось?

Я немного подумала, пытаюсь вспомнить.

– А... ты в лужу упала, возле самой школы. Был солнечный денек, дворник с утра полил цветочки, на асфальт натекла лужа, и ты в нее угодила животом. Мама сбегала домой и принесла форму твоей старшей сестры, которая училась во вторую смену, быстренько передела тебя в туалете, а ты ревела, потому что форма была тебе велика и вообще обидно.

В продолжение моей речи Валькины глаза разгорались все ярче, а улыбка, вначале слабая и нерешительная, стала широкой и лучезарной.

– Ну и откуда ты это знаешь? – бодро поинтересовалась она.

– Ты и рассказала.

– Как бы не так. Ничего я не рассказывала. А что ты еще про меня знаешь?

– Да все, – немного подумав, ответила я. – Это неудивительно. За месяц, который ты обретаешься по соседству, только и делаешь, что болтаешь.

– Память у меня хорошая, – хмыкнула Валька. – И про мой поход в школу я тебе точно не говорила... Да бог с ним. Нужен пример, после которого у тебя глаза откроются.

– Какие глаза? – насторожилась я.

– Твои. Ты считаешь, что я сама все разболтала, а я знаю, что это не так. Необходим пример, который тебя убедит. О чем я точно никогда не говорю?

– Ну... о своей любви, то есть о том парне...

– Правильно. А теперь расскажи, как мы с ним познакомились.

Я нахмурилась, прикрыла глаза и прислушалась к чему-то внутри себя. Происходило нечто странное...

– Ты упала со стула в столовой, все засмеялись, ты лежала дура душой, а он подошел и помог подняться.

– Точно, – взвизгнула Валька и даже вскочила с кровати. – Вот он – знак!

– Сейчас Татьяна придет, попрошу ее лишний укол сделать, крыша у тебя всю съезжает.

Валька схватила свою подушку и дважды меня ею огрела, после этого спросила в крайней досаде:

– Ну что еще надо, чтобы ты поняла?

– Ладно, уймись. Я Жанна д'Арк, божья избранница. Только не хочу гореть на костре. Пусть меня лучше еще раз с моста сбросят.

– Ты хоть понимаешь, что с тобой происходит? – чуть не плача, спросила Валька. – Ты можешь читать мои мысли.

– Это нетрудно, – заверила я. – Их немного, и все они глупые.

– Хорошо. Ты умная, а я дура. Сейчас придет Татьяна, попробуй на ней. Уж она-то точно не ведет с тобой душевных бесед.

Татьяна, медсестра нашего отделения, пришла минут через пятнадцать, я уставилась на нее, а Валька на меня. Она ерзала, моргала и громко сопела. Наше поведение вызвало у Татьяны легкое недоумение, потому что от нашей палаты никакого беспокойства не было и сюрпризы не ожидалось, лежат себе люди тихо-мирно, не буйствуют.

Посмотрев на нас с сомнением и вроде бы успокоившись, она стала заниматься привычным делом, а я наблюдать за ней. Через пару минут я спросила:

– Вы забыли выключить утюг?

– Что? – ахнула она, нахмурилась и настороженно поинтересовалась: – А ты откуда знаешь?

– Да я не знаю, – пришлось ответить мне. – Просто вы так себя ведете, точно пытаетесь что-то вспомнить, вот я и спросила...

– Все утро сама не своя, угораздило перед уходом блузку погладить. Торопилась... убей не помню, выключила или нет.

– Выключили, – убежденно кивнула я, потому что в этот момент она вспоминала, как надевала блузку, а правой рукой выдернула шнур, вспоминала и сомневалась одновременно, а у меня повода сомневаться не было.

– В одиннадцать муж с работы приедет, позвоню...

– Ну что? – взвизгнула Валька, едва дождавшись, когда дверь за медсестрой закроется.

Я пожалала плечами:

– Чудеса...

– Еще какие. Это божий дар. Говорила, у господина на тебя виды, так и есть.

– Знать бы какие, – забеспокоилась я.

– Вставай с постели, пойдем к людям, проверим на остальных.

Весь день мы шатались по отделению. Очень скоро сомнения у меня отпали, каким-то образом я узнавала мысли людей. Что-то теплое обволакивало мозг, а потом начинало пульсировать и выпирать из общей массы... Звучит глупо, но происходило это примерно так.

Перед вечерним обходом мы вернулись в палату, и Валька принялась меня поучать.

– Ты пока помалкивай, господь укажет, когда надо открыться, а может, и вовсе не надо, еще неизвестно, какая у тебя миссия. Только будь внимательней... не проворонь, у меня теперь вся душа изболится, вдруг ты знака не увидишь... Нет в тебе чуткости. Не будь меня рядом, ты бы так ничего и не поняла...

– Слава богу, мой верный Санчо Панса на соседней койке и все знаки углядит.

– Неизвестно, должна я быть рядом или нет. Мне знака не было.

– Будет, – хмыкнула я. Конечно, Валька самая настоящая сумасшедшая, но мне нравилась, потому что девка она добрая. И лучше пусть болтает о божьем промысле, чем бьется головой о стену.

– Тебе надо тренироваться, – подумав, заявила она.

– Как это?

– Знаешь, как иностранному языку обучают? Говорят с человеком только на этом языке, например, по-английски. Понимаешь?

– Зачем мне английский? – развеселилась я.

– Что ты дурака-то валяешь? Вот если б меня господь избрал, я б зубы не скалила, а молилась и тренировалась каждую минуту.

Валька даже покраснела с досады, и я торопливо согласилась:

– Давай тренироваться.

– Я с тобой разговаривать не буду.

– Почему? – расстроилась я.

– Что ты меня изводишь, неужели не понятно? Ты со мной говоришь, а я отвечаю мысленно, и словами тебе помогать не буду. Теперь дошло?

Идея не показалась мне особенно удачной, вдруг кто из врачей заметит, что я сама с собой беседы веду, и я состарюсь в психушке, но расстраивать Вальку не хотелось, я согласилась, и с этого вечера мы начали тренироваться.

Очень скоро это занятие увлекло меня, а успехи в обучении выглядели прямо-таки фантастическими. Если поначалу для того, чтобы понять мысли человека, требовалось сосредоточиться, закрыть глаза и сидеть в тишине, то через пару дней надобность в этом отпала. Возникла другая проблема: если в комнате было несколько человек, мысли их сплетались в тугой клубок и оглушали, но и с этим осложнением я справилась относительно быстро. Могла говорить, что-то делать, смеяться или читать книгу, и вместе с тем прислушиваться.

Дни перестали быть серыми и унылыми, утро я встречала с оптимизмом и уже не смеялась над Валькиными речами о «знаке», а молча кивала и вроде бы в самом деле ждала.

Как-то во время тихого часа мы болтали, то есть это я болтала за двоих, а Валька пялилась в потолок и молчала как рыба. В самом интересном месте я вдруг решительно прервала поток ее молчаливого красноречия.

– Врешь ты все...

– Точно, – ахнула она и даже встала с постели. – А как ты догадалась?

– Не знаю как, – озадачилась я. – Знаю, что врешь, и все. То есть ты говорила правду и вдруг соврала, и это было ясно, вроде ты думаешь одно, а вместе с тем где-то рядом мысль – это неправда.

– Здорово, – захихикала Валька, хлопнула в ладоши и даже взвизгнула от неумной радости. – Это ведь я нарочно, чтобы проверить, сможешь ты распознать или нет.

Явное сумасшествие странным образом уживалось в ней с хитростью и практицизмом.

Тренировки продолжались до того самого дня, когда Вальку выписали из больницы. Я не скрывала, что это событие ничуть меня не радует, и высказала надежду, что мы непременно встретимся, лишь только я покину данное лечебное заведение. Но Валька решительно заявила:

– Нет. Все, что бог возложил на меня, я выполнила. Теперь ты должна быть одна.

– Ты что, получила с небес телеграмму? – разозлилась я.

– Я сон видела. Вещий. Вчера думала о тебе и о себе, конечно, и о том, что будет с нами, а ночью сон. Стоим в поле, ты и я, а перед нами две дороги. Ты пошла по одной, и я за тобой вроде, и вдруг голос: «Тебе не туда...» В общем, отправилась ты налево, я направо.

– И из-за какого-то дурацкого сна ты больше не хочешь со мной видеться? – не поверила я.

– Это не сон, а знамение, и вовсе не дурацкое. У тебя миссия, может, великая, а я, видно, в спутницы не гожусь, поэтому должна отойти в сторону, чтоб под ногами не путаться.

Я посидела, помолчала и твердо заявила:

– И куда врачи смотрят? Разве можно тебя выписывать, ты ж дура душой.

Несмотря на мои увещевания и даже угрозы, Валька осталась непреклонной, в день ее выписки мы простились навеки и больше никогда не виделись. Хотя какие наши годы, может, еще и доведется встретиться в какой-нибудь психбольнице.

Вальку выписали, и хоть была самая настоящая весна, городские психи вели себя тихо, обострений не наблюдалось, палаты были наполовину пусты, а я так и осталась без соседки. Поэтому и обратила внимание на Дока.

Кличку он получил задолго до моего водворения здесь. Конечно, при больных никто из персонала его так не называл, но мне ведь разговоры не нужны. Док был врачом и, по-моему, наполовину психом. Со странностями, одним словом. Лет сорока, невысокий, худой, задумчивый, что называется, «весь в себе», лицо интеллигентное, красивое, даже лысина выдающихся размеров впечатления не портила. Он носил очки, постоянно держал руки в карманах халата, а слушая, склонял голову набок, почти к самому плечу. Говорил мало, тихо и ласково, в отделе-

нии его все любили: не только больные, но и персонал, что было делом выдающимся, вообще-то народ здесь друг друга не жаловал.

Ко мне врачи относились чутко, а он и вовсе изо всех сил старался вдохнуть в меня бодрость и оптимизм, хотя у самого с этим было негусто. Док недавно развелся с женой, у которой, как выяснилось, уже года три был любовник. Детей супруги не имели, в общем, был он один-одинешенек и жизни особо не радовался. На жену не обижался, считал во всем виноватым себя, потому что с некоторых пор у него были проблемы, причем такие серьезные, что с ними только к врачу, а Док, как ни странно, лечиться не желал, стыдился и маялся, что мне было совершенно непонятно. Ведь сам врач и должен понимать. Но не понимал.

Так как Док, будучи на редкость одиноким, никуда не спешил, этим беспардонно пользовались все кому не лень, и работал он за двоих. Когда у него было время, заходил ко мне, и мы подолгу беседовали. К этому моменту чужие мысли мне здорово надоели: по большей части в них не было ничего интересного. И я начала тренироваться в другом направлении: училась не обращать на них внимания.

В мысли моего лечащего врача я не лезла, считая это неэтичным, зато разговаривала с ним с большой охотой. Вальки рядом не было, никто мне не талдычил об избранности, и я испугалась: а вдруг это вообще никакой не дар, а просто я свихнулась окончательно и бесповоротно. В соседнем отделении у нас Наполеон лежит, у него что ни день, то Ватерлоо, а я вот – мысли читаю... Если я точно спятила, так лечащий врач должен был это приметить, кому и знать такие вещи, как не ему.

Я решила поговорить с Доком при первом удобном случае. Таковой подвернулся очень скоро. Док зашел ко мне вечером, во время своего дежурства, бодро улыбнулся и сел на стул, придвинув его ближе к кровати.

– Вижу, настроение у вас неплохое, – заметил он. – Может, перевести вас в третью палату к Новиковой, повеселее будет?

– Спасибо, пока не скучаю, – заверила я, помолчала немного и задала вопрос: – Леонид Андреевич, чего мне здесь кололи?

– Что? – насторожился он.

– Ну... какие лекарства?

– Обычные лекарства, – нахмурился он. – А в чем дело, Варя?

– Док, – брякнула я, – как считаете, я чокнутая?

– Нет, разумеется. Хотя в какой-то степени все мы немного сумасшедшие. А вот Доком называть меня не стоит, я так полагаю, это сокращенное «доктор», а я врач. Разницу между врачом и доктором вы, как грамотный человек, должны знать.

– Знаю, – согласилась я. – Извините, нечаянно вырвалось, вас так все зовут, я имею в виду персонал, и мне нравится вас так называть, потому что в детстве я фильм видела «Моя дорогая Клементина» с Генри Фондой в главной роли... Не помню, кто там играл Дока... очень мне фильм нравился и этот самый Док. Потом американцы еще фильм сняли по тому же сюжету, и актеры классные, а всё не то... Может, просто детство кончилось?

– Наверное, – невесело усмехнулся он. – А фильм этот я прекрасно помню, хороший фильм. Что ж, если хотите, зовите Доком, я не против.

– Спасибо... – Я немного понаблюдала за мухой на стене и осторожно спросила: – Значит, окончательно я не спятила?

– Почему вы спрашиваете, Варя? – вроде бы забеспокоился он.

– Док, вы только санитаров сразу не зовите... дело в том, что я могу читать чужие мысли... По голове меня много раз били, и она, конечно, ослабла, вот я и решила, может, сей факт в сочетании с каким-либо лекарством дал такой эффект? Думать о том, что я попросту свихнулась, как-то не хочется.

– Вы это серьезно? – промолчав пару минут, спросил он.

– Еще бы. Хотите скажу, о чем вы сейчас думаете?

– Попробуйте, – слабо улыбнулся он, и я сказала. Док густо покраснел, извинился и ушел, но санитаров не вызвал, и это вселяло надежду.

Появился он только через два дня (правда, на обходе присутствовал, но в мою сторону вроде бы даже не смотрел), вошел, сел на стул, нахмурился и сказал:

– Это невероятно.

– Точно, – согласилась я. – Какой-то наркотик, а, Док? Не может человек ни с того ни с сего начать читать чужие мысли.

– Травма, стресс, лекарства... Бог знает! Хотя лекарства были самые обычные.

– И я точно не спятила?

– Варя, – укоризненно покачал он головой. – Случай совершенно невероятный... Возможно, ученые смогут разобраться...

– Вы что, – перебила я, – хотите сделать из меня подопытную крысу? Вот уж спасибо.

– Но...

– Ладно, сделаем вид, что это была неудачная шутка. В целом вы меня утешили: с точки зрения лечащего врача, я не спятила окончательно, а там сама разберусь.

– Но... это так необычно...

– Чего вы боитесь? – перебила я.

– Я боюсь? – Он вроде бы удивился.

– Док, – поморщилась я. – Вы что, забыли?

– Ах да... Жутковато немного, когда знаешь, что кто-то способен читать твои мысли.

– Но ведь не это вас беспокоит?

– Возможно...

– Ясно. – Я тяжело вздохнула и наставительно изрекла: – Хорошую информацию добыть непросто, а сделать с ней что-нибудь путное и того труднее. Улавливаете, Док? Вокруг меня обычные люди, и мысли у них обычные. Конечно, у каждого есть секреты, но они вполне естественные... В общем, все довольно скучно.

– Да? – Он старательно протирал очки носовым платком, а я фыркнула и сказала:

– Док, ну какой из меня разведчик? И как вы себе это вообще представляете? Я иду в ФСБ и говорю: ребята, могу читать мысли, отправьте меня на передний рубеж, к главному недругу. По-моему, очень глупо.

– Что же тогда? – спросил он.

– Не знаю. Может, буду в цирке выступать, деньги зарабатывать.

Он засмеялся, а я немного обиделась, потому что о цирке думала серьезно.

В общем, в тот вечер мы так ничего и не решили. Ночью я спала плохо, где-то ближе к утру мне стало трудно дышать, сердце ныло и вроде грозило остановиться, я уже хотела позвать медсестру, но передумала. Легла, закрыла глаза и тут услышала зов. Кто-то торопливо, настойчиво звал меня по имени. А потом все кончилось.

Я лежала еще некоторое время, прислушиваясь, и заплакала, потому что поняла: теперь я одна на всем свете.

Док задержался в больнице и вечером пришел ко мне. Бодро улыбнулся и сказал:

– Я на минутку, просто узнать, как дела.

– Моя мама умерла? – спросила я, он вроде бы собрался выскочить за дверь, но нахмурился, а потом кивнул.

– Мы решили, что вам пока лучше не знать об этом. Как вы... ах да... Варя, я сейчас говорю как врач и... как друг. Вам нельзя присутствовать на похоронах. У человека есть предел прочности. Вы и так... я имею в виду с вами происходят необычные вещи, не стоит рисковать. Вы понимаете?

– Конечно. Вы можете ничего не говорить, и я пойму. Хорошо, сделаем вид, что я ничего не знаю, если вы считаете, что так правильнее.

– Считаю, – кивнул он и ушел, а я стала разглядывать потолок.

Была середина мая, по стене прыгали солнечные зайчики, в палате нечем было дышать, и меня потянуло на волю.

– Док, когда меня выпишут? – спросила я.

– Хоть завтра, – пожал он плечами. – Только стоит ли торопиться?

– Не очень весело сидеть за решеткой, – хмыкнула я и, ткнув пальцем в окно, добавила: – А там весна.

– Варя, вы что-нибудь решили? – не без робости спросил он.

– Как жить дальше? Если честно, не знаю. Программа минимум: уехать из этого города туда, где обо мне никто ничего не слышал. И просто жить. Валька обещала указующий перст. Она, конечно, чокнутая, но в старину считали, что бог глаголет устами сумасшедших. Вдруг правда? Поживу, подожду, а если он мне ничего не скажет, попробую не огорчаться.

– Варя, время все лечит, поверьте мне... Вы еще будете счастливы.

– Само собой, – кивнула я и, помедлив, спросила: – Хотите со мной, Док?

– А я тебе нужен? – грустно усмехнулся он.

– Конечно, – ответила я, сжав его ладонь в своей. Если честно, в тот момент я плохо представляла, какое применение смогу придумать Доку, но он был хорошим человеком, без паршивых мыслей и мне нравился. Человек не должен быть один, а мы идеально подходили друг другу.

Но уехали мы не сразу, кое-что надлежало сделать в этом городе. Во-первых, я сменила фамилию и стала Усольцевой, как бабушка по материнской линии. Так как моя история была хорошо известна в городе, мне в данном вопросе пошли навстречу, и все прошло без сучка и задоринки. На продажу квартиры тоже ушло время. Доку продавать было нечего, после развода с женой он жил в общежитии, куда смог пристроиться благодаря однокашнику, его личные вещи уместились в спортивную сумку, и последнее время он жил у меня. Так было удобнее.

Должно быть, мы являли собой странную парочку: сумасшедшая и врач-неудачник, но уживались прекрасно. И хоть спали в одной комнате, однако наши отношения были исключительно невинны: у Дока проблемы и у меня, после общения с тремя злобными придурками, – тоже.

Наконец пришел день, когда мы покинули город. Док подогнал к подъезду свои «Жигули», довольно обшарпанные, но резвые, мы загрузили в них два чемодана и несколько сумок. С привычными вещами я рассталась легко.

Мы прокатились по городу и выехали на объездную. Миновав пост ГАИ, Док остановился и посмотрел на меня, а я на него.

– Мы вернемся? – спросил он, и я кивнула, чтоб его не огорчать.

Дело в том, что у Дока сложилось неверное представление обо мне. Сейчас он хотел, чтобы я разразилась речью на тему: мы вернемся, и им мало не покажется (кому «им», догадаться нетрудно), однако в мои планы не входило быть русским бэтменом в юбке или кем-то там еще. Наводить в стране порядок – дело милиции, а месть меня не привлекала. Да и кому мстить? Сашке Монаху, которого я сама затащила в свою постель? Парню надо было укрыться на ночь, и он присмотрел меня. Кстати, за ночлег заплатил с лихвой: я была на седьмом небе от счастья и даже поверила, что он меня любит. Трем ублюдкам, которые так старательно надо мной потрудились? Так ведь им приказали. Надо было отыскать Сашку, а я молчала и, конечно, нервировала. Допустим, они окажутся в моей власти, ну и что, я начну им мозги ложкой вычерпывать или нарезать ремни из шкуры? Тошнота наворачивалась при одной мысли об этом. Да я ударить-то их как следует и то вряд ли сумею... Был еще тот, кто приказал, но он ведь рук ко мне не прикладывал... Сказка про белого бычка, одним словом, и по всему выходило, что

виноваты во всем моя глупость и доверчивость. Сидела бы дома, вышла бы замуж за одного из коротышек и жила до старости в покое и довольстве без всяких там приключений... Так ведь не хотелось покоя... Словом, за что боролись, на то и напоролись. Хорошо, что Док мои мысли не слышит, вот бы удивился...

Обосновались мы в соседнем областном центре, километров за триста от родного города. Сняли двухкомнатную «хрущевку». Док пристроился в каком-то Центре реабилитации, где бывшие алкаши открывали ему душу, а я дала объявление в газету: «Квалифицированная гадалка расскажет о прошлом и откроет будущее». Насчет будущего я преувеличивала, уж чего не могу, того не могу, зато с прошлым полный был порядок. А ведь человек как устроен: расскажи ему о вчерашних делах, и он тебе поверит, а уж потом лепи про будущее что попало, он все воспримет с благодарностью. Правда, я не злоупотребляла и в основном советовала быть осторожнее, предостерегала от пьянства, случайных связей и рекомендовала заботиться о детях. В общем, заслуживала медали как борец за чистоту нравов.

Медаль мне так и не дали, а вот денежки потекли рекой. Конечно, не сразу. Объявление пришлось дать трижды, прежде чем в нашей квартире появилась женщина лет сорока. Я ей очень обрадовалась, и не только потому, что она была первой клиенткой: сидеть в четырех стенах и общаться только с Доком, мысли которого я знала наизусть, порядком надоело.

С клиенткой я беседовала часа два, она заплатила много больше, чем я просила, и отбыла чрезвычайно довольная, хотя я только и сделала, что повторила ее мысли вслух, однако на нее это произвело самое благотворное воздействие: женщина успокоилась и приняла необходимое решение.

Через два дня клиентов было уже трое, потом их стало столько, что пришлось назначать время приема и повышать таксу, дабы избавиться от просто любопытствующих. Док забросил Центр и вел предварительные беседы с клиентами, многие нуждались в помощи психолога, а отнюдь не в услугах гадалки. В общем, дела наши процветали.

Как-то поздней осенью, ближе к вечеру, в квартире появились двое молодых людей сурового вида. Побеседовав с ними семь минут, я могла констатировать завидное единодушие наших взглядов по всем основным жизненным принципам и с того момента свой бизнес как бы узаконила. Парни остались довольны, а про меня и говорить нечего.

Так прошел год. Денег я заработала столько, что они вызывали томление: тратить их было некуда, жили мы скромно, Док являлся убежденным вегетарианцем и щипал салат, а я налегала на сладкое, видно, недокормили в детстве.

Док беспокоился за наши денежки и опасался грабителей, а я все пыталась решить: к чему мне мой дар, и дар ли это вообще, а не странное стечение обстоятельств? Год прошел, а я так и не решила и ничего похожего на знак усмотреть не смогла. Оттого, как водится, заскучала.

Примерно в это время в нашей квартире возник Колька Вихряй, один из моих «защитников». По делам он был накануне, а сегодня ему здесь совершенно нечего было делать, и я слегка удивилась. Рядом топтался его дружок, которого я знала плохо, помнила, что зовут Серега, а кличка Чиж или что-то в этом роде. Конечно, мне ничего не стоило слазить в его мозги и это выяснить, но понапрасну я не напрягаюсь.

В общем, они возникли в прихожей, отводили глаза и явно томились.

– Ты чего притащился? – удивилась я. Колька вздохнул и не без робости произнес:

– Варвара, ты это... погадала бы мне, а?

– Влюбился, что ли?

– Ага, – хмыкнул он и, конечно, врал. Другое его мучило.

– Ладно, пошли в комнату, – предложила я, и он пошел, его дружок тоже.

Я извлекла карты и стала их раскладывать, а потом вещать, при этом путала короля с валетом, подрывая свою репутацию. Но Кольке было не до королей, он выглядел подавленным и ждал от меня чуда. Мысли его я видела как на ладони.

Рассказав о его недавних горестях, неудачах и небольшой радости (на днях он наконец-то излечился от триппера, который появился совершенно неожиданно после краткого общения с одной симпатичной девушкой лет пятнадцати, по виду маменькиной дочкой), так вот, раскрыв ему глаза на все это и отметив на его лице глубокое удовлетворение, я перешла к насущному, то есть дню завтрашнему. Именно предстоящее завтра событие, точнее, встреча, назначенная на семь часов вечера в тихом, ничем не примечательном местечке, и вгоняла Кольку в тоску. Он сильно сомневался, что уйдет оттуда в целостности и сохранности, и, между прочим, сомневался не напрасно. Я бы на его месте наплевала и не пошла, но стриженные ребятишки народ чудной, живут по своим правилам, нормальному человеку эти правила покажутся глупыми, но братва их блюдет и от неписаного закона ни на шаг. Надо сохранить лицо, или что там у них.

И Колька завтра, конечно, поедет, отговаривать смысла нет, да и без разницы мне: лишится он своей головы или она еще некоторое время будет служить ему украшением. Правда, Колька парень неплохой, то есть не хуже многих других, хоть, конечно, и не лучше.

Тяжело вздохнув, я сказала:

– Завтра тебя ждет дорога и встреча с тремя королями. Остерегайся их, потому что они смерти твоей хотят. Если после шести вечера завтра из дома не выйдешь, жить будешь долго и удача тебя не оставит. – В этом месте я еще раз тяжело вздохнула и уставилась на него. Он облизнул губы, посмотрел на меня с укором, а я решительно добавила: – Короче, из дома носа не кажешь, и все будет хорошо, высунешься – жди неприятностей.

– Как же, сиди дома... – разозлился он, а я удивилась:

– Ты чего, Коля? Просил погадать, так я гадаю. А остальное – дело не мое.

Тут я еще кое-что порассказала и, судя по всему, произвела впечатление. Зная Колькины мысли, было это совершенно нетрудно. Но он-то не знал, что я знаю, поэтому краснел, ерзал и тарашил глаза.

– Все, – закончила я глазеть на двух королей и крестовую десятку. – Вопросы есть? Вопросов нет. Сеанс закончен.

– А... больше ты ничего не знаешь? – посидев пнем минут пять, робко поинтересовался он.

– Что тебе еще? – удивилась я.

– Ну... погадай еще раз... может, чего увидишь.

Он извлек из бумажника деньги и положил на стол. Сумма заметно превышала мою обычную таксу.

– Убери, – сказала я, демонстрируя обиду. – Не чужие ведь люди.

– Нет, – мотнул он стриженной головой. – Хочу, чтоб все было как положено...

Я вздохнула и еще раз разложила карты. Как на грех, выпали одни вины. Колька на них уставился и спросил:

– Хреново?

– Ну... – ответила я уклончиво, повертела в руках шестерку, отшвырнула ее, поморщившись, и сказала: – Коля, завтра вечером сиди дома... – Тумана я напускала вовсе не для того, чтобы запугать Кольку, просто ему очень хотелось услышать, чем закончится завтрашняя встреча, а я об этом не имела понятия, потому что даром предвидения меня господь не наградил. Умный человек избегает неприятностей, именно эту мысль я и пыталась донести до Колькиного сознания. Он понял все по-своему. Тяжело поднялся, отводя взгляд, и сказал:

– Ладно, я пошел.

Дружок тосковал в кресле рядом и выглядел слегка пришибленным.

– Тебе тоже погадать? – спросила я.

Парень вскочил и попятился к двери.

– Не-а...

– Правильно, – пришлось мне согласиться. – Меньше знаешь – крепче спишь.

Буркнув «до свидания», парни удалились.

Док проводил их до дверей и возник в комнате.

– Чего им надо?

– Судьбу узнать хотели. А судьба – она, как известно, злодейка.

– Что ты ему сказала?

– Посоветовала завтра вечером смотреть телевизор. Но он, конечно, не слушает.

– И что?

– Да откуда ж мне знать? – удивилась я. Док кивнул, но не поверил.

Через две недели меня вновь посетил Чиж по служебной, так сказать, надобности. Рядом с ним стоял высоченный парень с перебитым носом, ранее я его не видела и появлению в своей квартире слегка удивилась: я не люблю перемен, и парни, кстати, тоже их не любили.

– Где Колька? – поинтересовалась я.

– Нету.

– Что значит «нету»? – спросила я больше для порядка, потому что ответ уже знала.

– Похоронили. Десять дней назад. Вот такие дела...

– Жаль парня, – не очень сокрушаясь, заметила я.

Мы перешли к насущным делам. Уже перед уходом Чиж вдруг спросил:

– Это ведь виновная шестерка? Не зря ты ее в руках вертела... Ты ведь знала, что его убьют, так?

– Я знаю то, что мне карты показывают...

– Само собой... – Чиж покачал головой и виновато добавил: – Я ведь раньше не верил... ну... думал – глупость все это, гадание и все такое... и никому бы не поверил, если б своими глазами не увидел... Деньги тебе не зря платят.

– У меня дар, – серьезно заявила я. – От бабушки достался. А у нее от матери. По наследству то есть.

– Ясно, – еще разок кивнул он, после чего удалился, при этом выглядел просветленным, словно ему открылось нечто высокое.

После этого случая ребяташки в городе, не только из нашего района, но и из соседних, стали относиться ко мне с заметной настороженностью. При встрече сдержанно здоровались и были исключительно вежливы, правда, узнать свою судьбу никто из них не спешил. Док утверждает, что они считают меня колдуньей. Может, он и прав. Нет более суеверных людей, чем те, что не в ладах с законом. В общем, покойный Колька успел-таки сделать мне рекламу. Теперь в городе меня знала каждая собака и проявляла ко мне уважение (не собака, конечно, а местная шпана). Отношения у нас сложились дружеские, можно сказать – душевные. В атмосфере этой самой душевности прошел еще год. Ничего нового он не принес, если не считать денег, но они не очень радовали, потому что мы с Доком так и не придумали, куда их тратить. Правда, купили «БМВ», выглядела машина очень прилично, на этом наша фантазия истощилась. Решили было купить квартиру, получше да попросторней, но заленились: не хотелось покидать насиженное место. А народ, ждущий от меня откровений, все прибывал. Кажется, уже весь город охватили, и не по одному разу, а они все откуда-то брались. Стали приезжать клиенты из районов, иногда очень отдаленных. Когда в прихожей возникла гражданка неопределенного возраста и выдающейся комплекции, преодолевшая расстояние в двести километров, чтобы увидеться со мной, я задумалась, а потом и вовсе затосковала. Неужто дар, или что там есть, ниспослан мне для того, чтобы стать всероссийски известной гадалкой? Совсем мне этого не хочется. Неужели нет ему применения поинтереснее?

Дни шли, а я продолжала изводить себя невеселыми мыслями. Док тоже выглядел несчастным и тоже размышлял, иногда даже сожалел, что покинул родную психиатрическую больницу, где приносил явную пользу. Впрочем, Доку проще, вернуться в психушку никогда не поздно, а вот я...

В самый разгар самокопания и анализа своей судьбы, пришедшийся аккурат на Рождество, в нашем доме вновь появились незваные гости, на сей раз рангом повыше. Я читала «Иудейскую войну» Флавия и думала о том, что раньше люди жили веселее, тут в дверь позвонили. Док зашел в прихожую из своей комнаты, а потом заглянул ко мне и стал делать какие-то тайные знаки, начисто забыв, что это совершенно лишнее. Я уже знала, что у нас дорогой гость, хозяин района, в котором мы обретались. Это именно ему мы усердно платили дань. Звали его Володя, точнее, Владимир Павлович, а кличка была довольно странной – Кума, надо полагать, производная от фамилии Кумачев. Поскольку кличка звучала двусмысленно и с намеком на неуважение, называть его так в глаза никто не решался. Для меня он был Владимир Павлович, встречались мы до сей поры дважды, оба раза в казино, где он был хозяином, а я заходила просадить часть денег, изъятых у доверчивых граждан вполне законным путем. В общем, мы были знакомы, но не настолько, чтоб он запросто навещал меня по вечерам. Я удивилась и, честно говоря, немного струхнула, но лишь до того момента, когда он возник в комнате в сопровождении доверенного лица. Ни одной черной мысли на мой счет. Я порадовалась и заулыбалась, а также принялась демонстрировать гостеприимство.

– Не суетись, – махнул рукой Кума, устраиваясь в кресле. – Я так... заглянул ненадолго.

Я затихла в кресле напротив, продолжая выказывать глубокое удовлетворение от встречи с ним. Сопровождающее лицо ненавязчиво исчезло за дверью, Док попросту не появлялся, в общем, мы сидели одни, Кума прикидывал, как половчее начать разговор, а я удивлялась и его разглядывала.

Он был старше меня года на два, выглядел внушительно и вполне пристойно. Головы по бандитской моде не брил, цепей, колец и браслетов не носил, одевался элегантно. Изъяснялся вполне грамотно, матерился только по крайней необходимости, старался быть справедливым, правда, так, как эта справедливость ему виделась, кровавые разборки не жаловал, беспредельщиков считал мудаками и сам грех убийства на душу по сию пору не брал. В общем, мог считаться вполне приличным парнем. Его уважали, кое-кто очень не любил, а кто-то сильно боялся. Последние несколько дней выдались тяжелыми, и Кума думал и гадал, как жить дальше.

По этой надобности и притащился, но из-за дурацкого форса попросить «погадай» не мог, смотрел на меня и силился изобрести причину, по которой он нанес мне визит. Хотя дело было не только в форсе: его сильно удручал пример Кольки Вихря, безвременно почившего после лицезрения в моих руках винновой шестерки, но Кума даже самому себе в этом бы не признался. В общем, никуда не торопясь, мы поиграли в кошки-мышки.

– Ехал мимо, дай, думаю, зайду, – без фантазии начал он. – Ты у нас теперь знаменитость...

– Я плачу исправно, – на всякий случай заканючила я. – Расходы большие, менты цепляются, житья нет.

– Да ладно, не о том я... Просто интересно: ты вправду чего умеешь или это фокус какой? Я вздохнула, потупив глазки и немного помявшись, ответила:

– Конечно, фокус. Тебе врать не буду.

– Да? – Он вроде бы огорчился. – А говорят, что ни скажешь, все в масть.

– Психология, – пожалала я плечами. Психология его заинтересовала. Сообразив, что просто так он не отцепится, я предложила: – Могу продемонстрировать, как это делается.

– Давай.

– Начинаю с самого простого. Например, несчастная любовь. Ты криво усмехнулся, значит, таковая тебе не грозит. Финансовые проблемы. Ты хоть и знаешь, что все туфта, насторожился. Я наблюдаю, подмечаю... ну и так далее.

– А карты?

– А карты для порядка. Как же без карт?

– Значит, туфта, говоришь? – пригорюнился Владимир Павлович.

– Ага. Только ты уж, будь добр, об этом помалкивай. У меня хороший бизнес, и налоги я плачу исправно.

Кума усмехнулся, но уходить не спешил, посматривал по сторонам и томился. Мне тоже спешить было некуда, потому что сидела я в собственном кресле, а дел у меня вовсе никаких, и ожидала, решится он произнести то, о чем думал, или так и уйдет, ничего не поведав.

– Жаль, – вдруг сказал он. – Очень бы мне такой человек пригодился, особенно сейчас. Раскинул бы картишки и сказал, чего ждать следует. – Кума засмеялся, но говорил в общем-то серьезно.

– Чего не могу, того не могу, – огорчилась я. – А врать тебе – никакого желания. Не такой ты человек, чтоб тебе лапшу на уши навешивать. – Я сделала паузу и предложила, поняв, что уходить он по-прежнему не спешит: – Хочешь выпить? Водки у меня, правда, нет, но немного коньяка найдется.

– Давай коньяк. Водку я, кстати, не жалую.

«А нам об этом очень хорошо известно», – съязвила я, правда, мысленно. Сходила в кухню и вернулась с подносом: графинчик с коньячком, бутерброды с икоркой, лимон дольками и колбаса колечками (Док хотел ее выбросить, а вот смотри-ка, пригодилась). Мы выпили и заели икоркой. Кума продолжал меня разглядывать, мысли у него при этом были любопытные, но совершенно для меня неопасные, и я расслабилась. После второй рюмки он спросил:

– Ты сама откуда?

– Издалека, – ответила я, а он опять спросил:

– А какими судьбами к нам попала?

– На машине приехала. Город мне ваш по душе пришелся, потому как никто меня здесь не знал.

– Баба ты крученая, и видок у тебя соответствует, думаю, кое-чего в жизни ты повидала, – кивнул он, а я усмехнулась:

– Физиономия моя не нравится?

– Физиономия у тебя ничего, а вот взгляд дурной. У меня есть один с таким взглядом, лет десять я его знаю, а спиной поворачиваться к нему ни в жизнь бы не стал.

– Я вообще-то тихая, – загнусила я, – и неприятностей не ищу. Живу себе спокойненько и другим не мешаю.

– Ага, – согласился он и взглянул исподлобья.

– Все-таки рожа моя тебе не нравится, – хохотнула я, а он пожал плечами.

– Говорю, нормальная у тебя рожа... – Тут и он засмеялся. – Не обижайся. Конечно, шрамы бабу не красят. Кто ж тебя так?

– Самосвал, – с легкой придурью во взгляде ответила я. – Поехала в Москву на рынок, еду, никому не мешаю, и вдруг этот алкаш навстречу. «Поцеловались» мы с ним, парнишка коньки отбросил, а мне украшения оставил, чтоб дольше о нем помнила.

– Не повезло, – хмыкнул Кума, отставил рюмку и поднялся. – Что ж, спасибо за угощение.

– Заходи, если будет желание. Хорошему человеку всегда рада.

– А Док твой, он кто, правда доктор или тоже туфта? – неожиданно спросил Кума уже возле двери.

– Док – врач, психов лечил, надоели они ему, сам чуть не спятил, вот и подался со мной.

– Занятно... Пошли, Серега, – окликнул Кума охранника и сказал мне со смешком: – А про самосвал ты врешь. Не водила тебе завещал себя помнить, а вот кто? Ты часом не на любовное свидание в наш город явилась?

– С любовью у меня туго, – забеспокоилась я. – Большие проблемы по женской линии. И, богом тебе клянусь, беспокойства от меня никому не будет. Клиенты довольны, с властями дружу, а вас очень уважаю.

– Хорошо, если так, – серьезно проронил Кума и наконец отбыл. А я задумалась.

От глубоких размышлений меня отвлек Док, возникший в комнате.

– Чего он хотел?

– Супероружие, – развела я руками. – Знать о конкурентах все и каждый их шаг наперед угадывать. Согласись, в этом что-то есть.

– Ты ему сказала? – ахнул Док, впрочем, сам в это не веря.

– Нет, разумеется. Я покаялась: фокусничаю, народ дурю. Он расстроился.

– И что теперь?

– Да ничего.

– Ужинать будешь? – поскучав немного у порога, поинтересовался он.

– Нет. Поздно уже.

Док исчез за дверью, а я подошла к окну и уставилась в темноту. Неожиданный визит Кумы навел меня на интересные мысли. Я перекидывала их и так, и эдак, они нравились мне все больше и больше. Что, черт возьми, я делаю в этом городе? Жду знака? А может, визит Кумы и есть тот самый знак, ведь наверняка не скажешь. Надо бы как-то поделикатнее поторопить господина. Сколько же можно сидеть здесь без дела? Скучно. Доку, и тому скучно, а про меня и говорить нечего. Копайся в мыслях всяких придурков, добро бы польза какая... Польза, конечно, есть, это я малость завралась, но все равно скучно. Короче, если Магомет не идет к горе, значит, самое время горе сдвинуться с места.

Решение я приняла быстро и устремилась в кухню. Док ковырял вилкой в любимой травке и тоже смотрел в окно. Мысли в голове невеселые, последнее время он пытался от меня прятаться, твердил про себя стихи, а я позволяла ему думать, что это помогает. Док немного странный человек, он во всем ищет смысл: зачем родился, зачем учился, зачем потащился со мной? До него все никак не доходит одна простая вещь: жизнь случайна, а следовательно, бессмысленна. Над ней можно ломать голову, а можно просто жить в свое удовольствие. Это, кстати, то, чем я намерена заняться.

– Мы уезжаем, – сказала я и выдала свою лучшую улыбку.

– Куда? – Он вроде бы растерялся.

– Домой. Деньги заработали, пора их тратить.

– Ты... – Он торопливо опустил глаза, не решившись произнести слово «отомстить». Я уже давно поняла: несмотря на возраст, он романтик.

– Я соскучилась по родному городу, – врать не хотелось, а обижать его тем более.

– Когда поедем? – чуть помолчав, спросил он.

– Надо решить вопрос с квартирой, а мне выправить паспорт взамен свистнутого.

– У тебя украли паспорт? – поднял он брови, а я укоризненно покачала головой.

– Док, как можно украсть у меня паспорт? Человек только руку протянул, а я уже услышала. Паспорт в сумке лежит, где ему и положено, а я введу родную милицию в заблуждение и сообщу, что свистнули. Лишний паспорт не помешает. Тем более что я планирую выйти замуж.

Уж на что Док спокойный мужик, но глаза выпучил и даже вилку уронил.

– За кого?

– Еще не знаю. Желательно, чтобы он сразу после бракосочетания отбыл за границу. Сыскать такого будет нетрудно.

– Варвара, что ты болтаешь? – нахмурился он.

– Я посвящаю тебя в свои планы, неужели не ясно? Мы возвращаемся в родной город, народ вокруг любопытный, спросят, к примеру: откуда бабки, а я им – от верблюда, то есть от мужа, муж у меня за границей большие деньги зашибает, а я здесь живу не тужу.

– Ты надеешься, что, если сменишь фамилию, тебя не найдут?

– Кто, Док? Кто меня ищет?

Квартиру продали, паспорт я получила, и мы, погрузив нехитрый скарб в новую машину, отбыли в столицу нашей родины. Свой план я решила осуществлять поэтапно. Москва как раз и была первым этапом. Для начала я устроила Дока в приличной гостинице, а себя в больничной палате. Здесь я приобрела роскошную улыбку, наконец-то избавилась от шрамов, а также от ребра (одного я лишилась два года назад, а так как слышала, что они парные, решила, что второе мне совершенно ни к чему), в результате у меня образовалась восхитительная талия, такая умопомрачительно тонкая, что кое-кто в Голливуде, узнав об этом, хлопнулся бы в обморок. После талии взялись за бюст. Вообще-то он сам по себе был неплох, но трое уродов его малость подпортили. Благодаря чудесам современной медицины очень скоро он стал краше прежнего, чему я от души порадовалась. В мой облик были внесены еще кое-какие изменения, бог знает что можно купить за деньги.

Больницу я покидала, мысленно визжа от восторга и потирая руки. Доку перемены не пришлось по вкусу.

– Ты стала совсем другой, – с грустью заметил он, после того как минут пять пялил на меня глаза. Я же говорю, Док романтик, очень ему хочется кого-то спасти, быть нужным и все такое. Вот если бы я слегла с какой-нибудь каверзной болезнью или окончательно свихнулась, он бы порадовался. Сидел бы рядом, держал за руку и утешал. Но у меня на этот счет свое мнение.

Я поцеловала его и ласково пропела:

– Это я, Док, я. И я тебя очень люблю.

– Это неправда, – улыбнулся он. – Но для меня главное другое. Ты знаешь что.

– Конечно. Я тебя люблю, и ты мне очень нужен.

– Спасибо. – Он распахнул дверь машины и помог мне сесть. – Ты самая красивая женщина в мире.

– Спасибо, – передразнила я, и мы отправились в гостиницу.

Мое появление там по произведенному впечатлению напоминало небольшое извержение вулкана. Сотрудники, постояльцы и прочие праздные граждане, пока я оформляла бумаги, нарезали круги вокруг. Это радовало: денежки не пущены по ветру, и толк от операций явно был.

В номере, отослав Дока, я устроилась перед зеркалом и уставилась на себя. Внешность у меня очень удобная, завязала «хвост» на затылке, потупила глазки – красавица-скромница, маменькина дочка; прямой пробор, улыбка до ушей, в глазах веселые черти – болтушка-хохотушка, душа компании; взбила волосы в высокую прическу, взгляд в упор – роковая женщина, да и только. Пока этих трех масок более чем достаточно.

Я удовлетворенно кивнула и прилегла, решив немного поразмышлять, в каком месте лучше встретить будущего супруга. Остановилась на казино. Вот еще одна из особенностей моего характера: после памятной встречи с Монахом мне следовало бы относиться к данному публичному месту с опасением и даже страхом – по крайней мере, дурные воспоминания всколыхнуть во мне оно просто обязано, но я, как видно, из духа противоречия, выбрала именно казино. И решила искать себе мужа там, предварительно отправившись с Доком на разведку. Казино должно быть приличным, а посетители людьми состоятельными. Как раз одно такое сыскалось очень быстро. Располагалось оно в здании соседней гостиницы, и мы не замедлили в нее переехать, благо средства нам это позволяли и свободные номера тоже нашлись.

Ближе к ночи Док облачился в дорогой костюм, выглядел он в нем весьма элегантно и сам себе нравился, хоть и шутил, что данный наряд придает ему облик «нового русского». Новый или старый, не скажу, но Док теперь походил на главу процветающего банка, а отнюдь не на заштатного врача из городской психушки, чему я по понятным причинам от души радовалась. Я надела вечернее платье и обрадовалась еще больше: что ни говори, а быть красивой женщиной, да еще при деньгах, очень приятно.

В казино мы вошли вместе, но, войдя, сразу разделились. Док играл по маленькой, а я шныряла между столов, приглядывалась и прислушивалась. Поначалу мое внимание привлек господин неопределенного возраста с вкрадчивыми манерами. Поторчав поблизости минут пятнадцать, я поняла, что дядька ох как непрост и держаться от него следует подальше. Вот тут я и заприметила будущего супруга. Высокий, худой, в светлом костюме, при ярком галстуке, он ослепительно улыбался, проигрываясь в пух и прах. Я устроилась поблизости, устремив взгляд в противоположную сторону. Через пятнадцать минут улыбка сползла с его лица, потом вспотели руки, а еще через полчаса взгляд остекленел, а на лбу выступили крупные капли пота. Дела у парня были хуже некуда. Вот как раз такой мне и был нужен.

К тому моменту, когда он спустил все денежки, оставив себе кое-какую мелочь, я знала о нем все, что хотела, и отправилась следом. Мы столкнулись в дверях, то есть я заспешила, пытаясь проникнуть в распахнутую им дверь, а он, пребывая в сильнейшем волнении, этого не заметил. Задел меня локтем, поднял взгляд и торопливо извинился, открыв дверь пошире.

Я улыбнулась проникновенно и даже призывно. Парень был болтун и бабник и в другое время вцепился бы в меня клещом, но сегодня женщины его не интересовали. Почти не интересовали.

– Извините, – еще раз повторил он, стрельнул взглядом, убедился, что я без спутника, и стал прикидывать, стоит ли пригласить меня в бар на последние деньги. Я решила, что стоит, и сказала:

– Вы отдавили мне ногу, с вас чашка кофе.

Он засмеялся, хоть без особого веселья, и мы пошли в бар. Там и познакомились.

Звали его Максим, и через неделю он собирался отбыть за границу, правда, мне об этом не сказал. Сидел и думал, что ему со мной делать. И шанс упустить обидно, и настроение дохлое. Я решила поднять его настроение и ласково предложила:

– Знакомство лучше всего продолжить у меня в номере.

Он вновь принялся метаться в мыслях, сначала решил, что я проститутка, но тут же передумал. И правильно. О женщинах следует думать только хорошо и уважительно. За свой кофе я заплатила сама, чем окончательно его озадачила.

– Так как насчет того, чтобы зайти в гости? – повторно задала я вопрос. – Я живу в этой гостинице, и сегодня мне скучно.

Был бы он умный, рисковать бы не стал, но умным он не был, и мой полубогаженный бюст его тревожил. Потому, наплевав на все проблемы, парень пошел со мной.

– А у вас тут неплохо, – прогулявшись по номеру, заявил он, подошел ко мне, обнял и поцеловал с большой страстью. Страсть эта на меня особого впечатления не произвела, а вот его мысли нравились мне всё больше и больше.

– Садитесь, Максим Петрович, – кивнула я на диван, и он сел в некотором недоумении, потому что про Петровича мне не говорил, и поэтому струхнул. Я села напротив, достала из сумки пачку долларов и запечатанную колоду карт.

– Не желаете сыграть со мной, на последние?

– Я что-то не очень понимаю... – произнес он, руки его при этом дрожали.

– А чего тут понимать? Вы просадили большие деньги. Заметьте, чужие. Сегодня пробовали отыгаться и спустили все. По головке вас за это не погладят, даже более того... В старину в этом случае стрелялись, но вы себя очень любите... Так что через недельку вместо вожделенной заграницы будете вы лежать под каким-нибудь мостом, причем в таком виде, что представить жутко. И похоронят вас скорее всего за государственный счет, ведь близких родственников у вас нет, значит, не скоро хватятся.

– Кто вы? – с ухмылкой спросил он, хотя перетрусил отчаянно.

– Ваша будущая супруга, если мы договоримся, конечно.

– Бред какой-то! – выкрикнул он, поднимаясь, но тут в номер вошел Док, и парень опустился на место, переводя взгляд с него на меня. Мы немного поиграли в молчанку, потом Максим спросил: – Кто вы и что все это значит?

– Если б выслушали внимательно, то уже поняли бы: я хочу за вас замуж. В качестве компенсации за моральный ущерб я выплачу ваш долг. Весь до копейки. Согласитесь, это по-божески.

– Слушайте, я ничего не понимаю, – заволновался он, обращаясь теперь к Доку. – Если вы из разведки, то глубоко заблуждаетесь, я...

– Да мы знаем, вы не волнуйтесь так, Максим Петрович. Мне необходим штамп в паспорте и муж за границей, только и всего. Взамен вы получаете деньги, а в вашем случае это не просто деньги – это жизнь. Мне кажется, с вашей стороны будет глупо не согласиться.

– Ребята, я ничего не понимаю, – честно признался он.

– А вам и не надо ничего понимать, – хмыкнул Док, при этом он походил на акулу, безжалостную и коварную, я мысленно фыркнула, радуясь неожиданно открывшемуся в моем друге актерскому таланту, а Максим сник и задумался.

Следующий час мы еще немного поиграли в вопросы-ответы, и хоть Максим вопросов успел задать превеликое множество, но информацией так и не разжился и заскучал еще больше.

Я его приободрила, как могла, после чего разговор вступил в деловую фазу.

– Но, насколько мне известно, сразу нас не распишут, нужно время...

– А деньги на что? – удивился Док. – Не забивайте себе голову, молодой человек, всякой ерундой. Ваше дело явиться вовремя в загс и сказать «да». Все остальное – наши проблемы.

– Конечно, но... Что это все-таки значит? – До чего ж любопытный попался, беда, да и только.

– Ты мне надоел, – вздохнула я, черкнула номер на бумажке и швырнула ему. – Короче, будешь и дальше ваньку валять, я звоню вот по этому номеру и сообщаю другу Алику, что его денежки накрылись медным тазом. А теперь отгадай, сколько ты проживешь после этого?

– Это он вас послал? – пролепетал Максим. Было это совершенно глупо, я разозлилась и потянулась к телефону, а он взвизгнул: – Я согласен!

– Давно бы так, – проворчал Док. – Морочите людям голову (это он малость погорячился, еще вопрос, кто тут кому голову морочит).

– Вы поедете со мной? – не без страха спросил Максим.

– Нет. У меня тяга к родным местам. Вряд ли мы после бракосочетания еще когда-нибудь увидимся.

– Но... – начал он, однако Док сурово перебил его:

– Ты опять за свое?

– Хорошо. А деньги? Когда я их получу?

– Ты должен вернуть их в пятницу, вот в пятницу и получишь. Это, кстати, для твоей же пользы. Парень ты азартный, как бы вторично все не спустил. Будем считать, что договорились, – подвела я итог.

– И что теперь? – спросил он в крайнем недоумении.

– Теперь ты едешь к себе домой, отдыхаешь и готовишься к церемонии. Постарайся не выходить из дома без особой надобности. Я позвоню. Да, паспорт оставь, он понадобится.

Максим положил паспорт на стол, поднялся и нерешительно произнес:

– Так я пошел?

– Всего доброго, – ответил Док.

– А мой телефон? – всполошился парень и, устыдившись, добавил: – Или вы знаете?

– Запиши, – кивнула я, он записал и торопливо вышел. А Док захохотал.

– Здорово, – сказал, когда смеяться ему надоело, и даже головой покачал, так понравилось ему происходящее. Глядишь, во вкус войдет. Но минут через пятнадцать он задумался. – Варя, а что, если он вовсе не такой дурак...

– Он трус и мерзавец. Будет сидеть у себя как мышь и ждать звонка. Но на всякий случай отсюда стоит съехать. Найдем какой-нибудь Дом колхозника, – хохотнула я. – Слава богу, Москва – город немаленький, и бойким мальчикам понадобится время, чтобы нас найти.

Однако искать нас никто не пытался. Максим, как выяснилось позднее, сидел дома и громко клацал зубами. Док посетил загс, побеседовал с милыми людьми, и они пришли к единодушному мнению, что глупый формализм не должен являться препятствием на пути чистой любви и семейного счастья.

Через три дня я вышла замуж за Максима Петровича Осипова, в пятницу под моим чутким руководством он вернул деньги (руководство заключалось в том, что мы его негласно проводили, дабы быть уверенными, что деньги он вернет, а не заскочит по дороге в казино), а еще через день мы простились в аэропорту. Максим отбывал в Канаду. С его дурными склонностями назад он вряд ли вернется: просто не сможет собрать деньги на билет.

Вечером мы с Доком ужинали в ресторане, Док размышлял, а я к нему прислушивалась.

– Ты отдала деньги, – сказал он. В отличие от Вальки Док не любил, когда я шарилась в его мыслях, и предпочитал разговаривать.

– Конечно.

– Хотя могла бы не отдавать. Какая тебе разница, будет он в Канаде или на кладбище. На кладбище даже удобнее.

– Нет, Док. Во-первых, все должно быть честно. Во-вторых, мне нужен живой муж за границей, только так я могу объяснить наличие у меня шальных денег.

– По-моему, ты сама все усложняешь.

– Возможно, но так интереснее...

– Денег у нас, кстати, осталось немного. Твой супруг стоил слишком дорого.

– Что не сделаешь ради любви, – фыркнула я и добавила: – Деньги не проблема.

– Займешься гаданием?

– Нет. Мне нужно сразу и много. Москва – хороший город, здесь у человека большие возможности.

– Не хочешь поделиться планами? – вздохнул Док.

– Да нет никакого плана. Пойдем в казино.

Казино стало для меня любимым местом проведения досуга. Так как вся моя жизнь последнее время сплошной досуг, бывала я в казино часто. Народ здесь собирался разный, непростой и даже опасный. Я очень рассчитывала, что мне повезет: надо только набраться терпения и положиться на удачу.

Так оно и вышло. Заняв привычный наблюдательный пункт за спиной сидящего Дока, я обратила внимание на молодого человека. В зал он вошел стремительно, одет был весьма скромно, на достопримечательности казино не обращал никакого внимания и явно кого-то искал. Я шагнула ему навстречу, а потом ненавязчиво пристроилась за ним. В конце концов он отыскал, кого хотел: за столом, спиной ко мне, сидел здоровенный детина с бритым затылком. Парень наклонился к нему и произнес несколько слов на ухо. Игра тому враз стала неинтересна.

Вскоре они устроились в уголке, подальше от чужих глаз и ушей, и с азартом заговорили. Я паслась рядом, спиной к ним, и внимания не привлекала. Парни радовались не зря. Задуманное предприятие обещало быть денежным, а план был остроумный и практически безопасный. Практически... если бы рядом не стояла я. К счастью, парни ни о каком даре и прочих подобных штуках слухом не слыхивали и поэтому радовались своей затее.

Я тоже радовалась, сумма производила впечатление, да и шататься без дела по казино мне уже порядком наскучило. Оставалась самая малость: выяснить, кто такой Лелик, и дождаться,

когда ребяташки провернут свое дельце. На выяснение ушло еще минут пятнадцать. Лелик был человек небезызвестный, частенько посиживал в ресторанчике с названием «Летучая мышь» и славился дурным нравом и злопамятностью.

На следующий вечер мы отправились в «Летучую мышь», вошли и устроились в центре зала. Самого Лелика в тот вечер не было, зато по соседству от нас отдыхали несколько его ребят, вполне пристойно, кстати. Док очень переживал, что они меня приметят и начнут приставать. Они и вправду приметили, но помпезный вид Дока и мой потупленный взор навели их на мысль, что это парочка чумовых иностранцев, бог знает как забредшая на огонек. Почему иностранцев, я так и не уразумела, изъяснялись мы на русском и даже без акцента.

В общем, поход прошел без происшествий и весьма успешно. Теперь оставалось выждать денек и попытаться счастья. Помимо необходимого мне номера телефона, я узнала, что сам Лелик отсутствовал в ресторане по причине сильной гневливости, ибо не далее как два дня назад лишился больших денег. Ребяташки осторожно шептались и гадали: кто ж это такой ловкий, а главное, нахальный?

На следующий день я набрала номер, послушала длинные гудки, подождала немного и совсем было хотела чертыхнуться и швырнуть трубку, но тут в ней возник низкий мужской голос, который очень невежливо пролаял:

– Чего?

– Я бы хотела поговорить с Аркадием Михайловичем, – нежно пропела я.

Небольшая пауза, затем чуть вежливее:

– А кто его спрашивает?

– Мы незнакомы, но он будет счастлив, если мы подружимся.

Парень, как видно, раздумывал: стоит послать меня коротко и конкретно или нет. А я решила добавить:

– Я по поводу денег.

– Каких еще денег? – опять залаяли в ответ, а я разозлилась и тоже твякнула:

– Тех самых, которые у вас увели, придурок!

Я ожидала, что мы еще какое-то время побеседуем в том же духе, но тут раздался совершенно другой голос: выше, мягче и приятнее.

– Слушаю, – сказал он.

– Вы Аркадий Михайлович? – решила я уточнить.

– Да. Ну и что там с моими денежками?

– С ними, по-моему, все в порядке, лежат себе скромно в надежном месте у двоих хороших людей. Я могу сообщить вам, что это за люди и где следует искать денежки, но, разумеется, не задаром.

– Должен сказать, деточка, что играть со мной в такие игры дело опасное. Как бы тебе вовсе без язычка не остаться. Я тебя мигом отыщу, мало не покажется. – С последним я сразу же целиком и полностью согласилась, так как кое-какой опыт имела, но хохотнула и перешла на ласковое мурлыканье:

– Вы меня неверно поняли. Я хочу вам помочь. Мне случайно стало известно, что у вас исчезли деньги, и я так же случайно знаю, кто их прибрал к рукам. Было бы просто здорово, если бы мы с вами договорились о десяти процентах. Согласитесь, сумма для вас невелика, а мне по бедности большая радость.

– Если это шутка... – начал он, но голос звучал спокойно, и в нем чувствовалась заинтересованность.

– Что я, дура, шутить с вами? Проценты мне вы заплатите после того, как вернете свои деньги. И не жадничайте. Я вам еще не раз пригожусь... Что скажете?

Он молчал минуты две, а я томилась, потом он хохотнул и сказал:

– А если обману? Не боишься?

– Что-то я не слышала, чтобы вы нарушали данное слово. Но если обманете, что ж... Бог с вами, потеряете верного друга, я ведь уже сказала: пригожусь.

– Что-то я не слышал о существовании верных друзей, – передразнил он, а я засмеялась:

– Я не просто верный, а десятипроцентный.

– Хорошо, – еще немного подумав, согласился он, а я объяснила, где следует искать денежки.

Поначалу он не поверил и даже начал гневаться. Воспитан Аркадий Михайлович был дурно, его словарный запас удручал, и я повесила трубку. Позвонила через час, надеясь, что он к этому моменту уже успокоился. Он не только успокоился, но и начал действовать и, как видно, обнаружил нечто, что наводило на мысль о том, что сказанное мною – не такая уж глупость. Я подробно посвятила его в план чужой операции, он слушал внимательно и, надо полагать, печалился, так как речь шла о близком друге и соратнике. В конце беседы спросил:

– Кто ты?

А я ответила:

– Если подружимся, скоро узнаете.

Договорились, что я позвоню на следующий день. Я позвонила после полудня с одного из московских вокзалов. Трубку снял сам Аркадий Михайлович.

– Здравствуйте, – поздоровалась я и поинтересовалась: – Как наши дела?

– Слушай, кто ты? – с легким подхалимством спросил он, очень уж его разбирало. Даже по голосу чувствовалось: он доволен и заинтригован.

– И все-таки, – хохотнула я, – как там наши дела, точнее, ваши денежки?

– Отлично.

– Выходит, премию я заслужила?

– Само собой. Приезжай.

– Куда? – развеселилась я.

– А куда скажешь. Хочешь, ко мне...

Вот к нему я точно не хотела.

– Вы мне очень симпатичны, но я от природы застенчива и не люблю торопиться. Поэтому пусть кто-нибудь из ваших мальчиков подъедет к одному вокзальчику и оставит деньги в ячейке камеры хранения. Номер я скажу. И очень прошу: не спешите со мной встретиться сегодня. Дама я боязливая, спугнете – больше не появлюсь. А верных друзей, даже и за десять процентов, у вас не так уж много.

– Скажи, как звать-то? – засмеялся он, а я ответила:

– Варвара, – потому как ничего опасного в этом не усмотрела.

– Ладно, Варвара. Говори, куда парня послать. Купи себе на эти бабки шмоток и заезжай в гости. Очень мне любопытно на тебя взглянуть.

«Много вас, любопытных», – мысленно проворчала я, а вслух произнесла:

– Успеете наглядеться, еще и надоем.

В общем, расстались мы по-доброму.

Парень должен был подъехать через полчаса. Док занял позицию в глубине зала, читал газету и по сторонам поглядывал. Дешевый спортивный костюмчик, ветровка, кеды, рюкзачок, кепка – вид самый что ни на есть подходящий: стоит себе человек, ждет электричку. Я отправилась к машине и облачилась в синий рабочий халат, тапки на резиновой подошве и косынку. Косынку нахлобучила на самые брови и вдобавок нацепила очки в уродливой оправе, провела ладонью по капоту машины, а потом по своему лицу: необыкновенную красоту следовало замаскировать, то есть замазать.

В таком виде я должна сойти за уборщицу, правда, прихватить ведро со шваброй я не решилась, дабы, случайно столкнувшись с настоящей уборщицей, не вызвать подозрений.

Через двадцать минут я возникла в зале, делая вид, что активно интересуюсь пустыми бутылками. Док незаметно кивнул мне, значит, ничего подозрительного не заметил.

Точно через полчаса появился парень, по виду самый что ни на есть обыкновенный, с пакетом в руках. Прошел к указанному месту и через две минуты удалился. Я приблизилась и проводила его до двери. Ничего похожего на засаду. В некотором удивлении я опустилась на скамью и немного подождала. Аркадий Михайлович честно сдержал данное слово.

Я кивнула, Док отправился за деньгами, и встретились мы через десять минут уже в машине. Док завел мотор и полетел, как угорелый, все еще опасаясь погони, а я сунула нос в пакет. Пачки денег, перетянутые красными резиночками, выглядели очень симпатично, красное на зеленом прямо-таки радовало глаз.

– Получилось! – ахнул Док, покачал головой, стукнул ладонью по рулю и повторил: – Надо же, получилось!

Глаза его горели, и вообще он выглядел неплохо.

– Слушай, Док, – хохотнула я, – а ты у нас прирожденный авантюрист.

Он немного умерил свою радость, вроде бы застыдившись.

– Улыбнись, – попросила я. – Мне нравится, когда у тебя горят глаза.

– Мы здорово рисковали, – чуть помолчав, заметил он.

– Так, самую малость. Если бы кто вертелся поблизости, я бы засекала.

– Странное чувство, – покачал он головой и даже вздохнул, а я подумала, что Док действительно может войти во вкус. Это неплохо. Лишь бы не искал смысла жизни и вообще смотрел веселее. – Что теперь? – спросил он через несколько минут.

– Теперь на родину. Здесь нам больше делать нечего.

Родина встретила нас проливным дождем. Приехали мы довольно поздно, притормозили на объездной, неподалеку от поста ГАИ, и решили провести ночь в машине. Никто нас в городе не ждал, а таскаться под дождем в поисках пристанища – удовольствие небольшое.

Утром, продрав глаза, мы позавтракали на вокзале, а потом совершили обзорную поездку по городу. За два с лишним года он мало изменился. Это вызвало грусть и удовлетворение одновременно.

Проехали мимо памятной психбольницы, Док запечалился, а я сказала:

– Думаю, назад тебя примут с радостью.

Он ничего не ответил, да мне и не надо.

В половине девятого я купила свежую газету и освоила столбцы объявлений с заголовками «Сдаю» и «Продаю». К пяти часам вечера мы уже заселялись в малосемейку с большой кухней и крохотной комнатой. Хозяйка, дама лет шестидесяти, с ярко-оранжевыми волосами и лицом бульдога, сверлила меня взглядом и больше двух часов объясняла, что я должна, а чего не должна делать. После чего удалилась, получив за квартиру за полгода вперед. Жить в этом клоповнике столько времени я не предполагала, но сегодня особо выбирать не приходилось: жизнь на колесах меня не привлекала.

Через неделю мы переехали в приличную квартиру, точнее, это я переехала, Док пока остался в малосемейке. Решено было, что жить мы отныне станем врозь. Док возражал вяло и скорее для порядка, находиться под неусыпным контролем двадцать четыре часа в сутки все-таки тяжеловато для него, меня же его постоянное присутствие слегка раздражало.

Через некоторое время он тоже поменял место жительства и устроился неподалеку от меня во вполне приличной однокомнатной квартире. Хлопоты по обустройству отвлекали от основной мысли: зачем мы вернулись? Док был уверен: отомстить обидчикам, наказать, покарать и все такое прочее. Как я уже говорила, мысль об отмщении особого энтузиазма у меня не вызывала, зато московский опыт очень порадовал. Мне хотелось наполнить жизнь смыслом, не важно, если мой смысл покажется кому-нибудь сущей нелепицей, главное, чтобы мне самой было интересно.

Начинать новую жизнь в городе, где я подвизалась гадалкой, неразумно, в Москве огромные возможности, но и трудностей выше крыши, мне нужен был средний город, не слишком большой, но и не маленький, так почему бы не вернуться в родимые места, если моим требованиям они соответствуют?

Покончив с проблемами обустройства, мы в первый свободный вечер отправились в казино. Док считал, что мы идем на разведку, в общем-то, это было почти правильно, хоть искала я не врагов, а применения своим способностям.

Казино, как всегда, порадовали. Поболтавшись в пяти разных заведениях несколько вечеров подряд, я поняла, что скучать на родине не придется. Преимущество небольшого города перед столицей было очевидно: никакой нужды в дополнительных сведениях, за пару недель я узнала почти все о тайной жизни областного центра. Но знать – это одно, а найти знаниям достойное применение – совсем другое, и я стала думать, куда знания девать.

Вот тут я и вспомнила о старом знакомом, который пару лет назад вел со мной беседы. Правда, ничем он мне тогда помочь не смог, но произвел впечатление порядочного и даже душевного человека, хотя и был ментом. Фамилия у мента была подходящая: Орлов, звали его Евгений Петрович, а по роду службы он боролся с организованной преступностью. Поразмывая, я решила помочь ему в благородном деле. Через справочное разжилаась его рабочим телефоном и как-то ближе к концу рабочего дня позвонила.

– Орлов слушает! – молодцевато гаркнул он, а я поздоровалась ласково и начала с места в карьер:

– Евгений Петрович, у меня есть интересное сообщение для вас, касается оно Сергея Теплова, вам он хорошо известен.

– Еще бы, – вздохнул Орлов, ни удивления, ни особого интереса не выказывая.

– По-моему, он вам здорово действует на нервы, – добавила я.

– Действует, – опять согласился Орлов. – Так что ж такого, дорогая, вы хотели мне сообщить? – Судя по некоторой игривости, Орлов решил, что я одна из многочисленных подружек Теплова и пылаю жадной мести по той причине, что дружок предпочел мне очередную красотку. Разубеждать его я не собиралась.

– Насколько мне известно, ничего серьезного на него у вас нет, но Теплова можно посадить за незаконное хранение оружия.

– Да неужто? – обрадовался Орлов и даже хохотнул, он был человеком с юмором. – Но, насколько мне известно, Теплов с «пушкой» никогда не ходит, умный, гад. И в квартире ничего у себя держать не станет.

– В машине, – перебила я. – В машине у него оборудован тайник. Надежный. Если не знать, то вряд ли обнаружишь, уж очень хитро сделан. Я сама-то не видела, но сам Теплов считает именно так. Машина оформлена на него, и за рулем он раскатывает сам, так что вряд ли отвертится.

Орлов молчал с полминуты, должно быть, приходил в себя от счастья, а я тем временем пояснила, где находится тайник.

– Надеюсь, вы не шутите? – спросил он, выслушав.

– У меня с юмором так себе...

– Если о тайнике вы узнали от Теплова, должен вам сказать, что вы очень рискуете.

– Нисколечко, – заверила я. – Можете обо мне не беспокоиться. У Теплова завтра встреча в 20.00 в ресторане «Аякс», он поедет со своим дружком Панкратовым, больше никого брать не собирались, так что...

Орлов еще немного помолчал, потом неуверенно произнес:

– Что ж... спасибо за информацию.

– Рада стараться! – по-солдатски гаркнула я в ответ и повесила трубку. Звонила я из автомата, но все равно заспешила прочь.

Назавтра, около семи часов, я села в машину (так как теперь мы с Доком жили отдельно, мне пришлось приобрести индивидуальное средство передвижения: «Жигули» шестой модели, бежевого цвета, неброско, и бегают прилично), вот в этих самых «Жигулях» я подкатила к областному театру. Неподалеку отсюда жил господин Теплов, отправиться на встречу, миновав театр, он не мог, и я очень рассчитывала в скором времени его увидеть.

Черный громоздкий «Мерседес» появился в тридцать пять минут восьмого, до «Аякса» около двадцати минут езды, так что время Теплов рассчитал верно. Пропустив его вперед, я тронулась с места. Ничего похожего на охрану не наблюдалось, «Мерседес» был один и удалялся от меня на приличной скорости, хоть и находились мы сейчас в самом центре города.

Я уже решила, что потеряю его и пропущу все самое интересное, но тут «Мерседесу» пришлось притормозить. Возле Красной башни, стоящей как раз посередине проспекта, велись какие-то работы, желтая машина с мигалкой перегородила проезд с этой стороны, гаишник с жезлом, хмуря лоб, сортировал машины: кто-то узкой струйкой просачивался далее по проспекту, а кому-то сурово указывали в переулок направо.

«Мерседесу» указали направо. На малой скорости Теплов свернул, должно быть, во всю матерясь, потому что за ним никого больше не завернули. Уехать далеко ему не удалось. Точно из-под земли возникли две милицейские машины, заблокировав «Мерседесу» проезд, появились ребята в масках, Теплова с дружкой выволокли из кабины и пристроили на асфальте. Все это я с интересом наблюдала из окна своей «шестерки», которую укрыла в самом начале переулка.

Удовольствие испортил милиционер, который возник откуда-то слева и настоятельно посоветовал проваливать. Увлекательный спектакль не удалось посмотреть до конца, чертыхнувшись, я была вынуждена покинуть наблюдательный пункт. Машина с мигалкой уже отъехала от Красной башни, гаишник исчез, и движение возобновилось.

Я ехала, ухмылялась и даже хихикала время от времени. А вечером поспешила в любимое казино. Называлось оно «Венеция», располагалось в бывшем дворянском собрании и славилось тем, что собрания и сейчас частенько здесь проводились, но отнюдь не дворянские.

На входе нас с Доком тщательно обшарили глазами два симпатичных здоровячка в одинаковых костюмах. Мое появление произвело на них впечатление, в бритых головушках мелькнула одна и та же мысль. Внешне она выразилась излишней деловитостью и масляными взглядами. Я решила одарить парней улыбкой, но потом передумала: больно жирно для них, и, гордо вскинув голову, прошествовала в зал.

Народ в этот вечер был слегка взволнован, и отнюдь не игрой. Не все, конечно, но кое-кто ни о чем другом ни говорить, ни думать не мог, только о неожиданном аресте Теплова.

Он носил смешную кличку Солнце (была у него такая присказка), но, несмотря на подобное прозвище, человеком был опасным и считался необыкновенно удачливым. И вдруг такая незадача. Подробности задержания гражданам были хорошо известны, поэтому они высказывали множество предположений, которые в основном сводились к следующему: тайник менты нашли не случайно, а так как о нем мало кто знал, искать следует среди своих, причем очень близких.

Маленько потолкавшись между столами, я поняла, что в скором времени работы в моргах прибавится, а хлопот милиции должно убавиться. Мое вмешательство было подобно брошенному в воду камню – от него пошли круги по гладкой поверхности. Жизнь сразу же показалась мне заметно интереснее.

На следующий день я позвонила Орлову. Судя по голосу, он был счастлив.

– Это опять я, – сообщила незамысловато и любопытствовала: – Как дела у вас?

– Хорошо. А у вас?

– Отлично. У меня есть еще кое-что интересное.

– А почему бы нам не встретиться и не поговорить? – предложил Орлов. Я ничего не имела против. Чем раньше мы сведем знакомство, тем лучше. Опять же не мешало пошарить в его голове, делать это по телефону я, к сожалению, не умею, так что настала нужда в личном контакте.

Мы договорились о встрече, точнее, я просто дала ему свой адрес и сказала, что жду его вечером в любое удобное для него время.

Док, узнав об этом, пошел пятнами.

– Ты сошла с ума, – качал он головой, нарезая круги по комнате. – Ты что, не понимаешь, насколько это опасно?

– С ментом встречаться? – удивилась я. – Дядька он еще молодой, соседи решат – любовник.

– Я вовсе не об этом... если кто-то узнает...

– Ну, Док... Кто меня свяжет с Тепловым? Я чуть больше часа посидела напротив него за столом и дважды обменялась томным взором. Кому придет в голову, что его арестовали за это?

– А мент? Ведь он узнает, а что знают двое, знает и свинья.

– Кто ж ему скажет? Я не хочу опять в психушку, а если человеку сказать «я умею читать мысли», он скорее всего посоветует мне малость подлечиться. Нет, посвящать Орлова в свои секреты я не собираюсь, а вот договор о сотрудничестве на взаимовыгодных условиях нам бы очень не помешал.

– Какую выгоду ты имеешь в виду? – удивился Док, а я пожала плечами:

– Ну, наперед никогда не знаешь. Может, и мент на что-нибудь сгодится.

– Ты рискуешь, – хмуро повторил Док. – Он не дурак и захочет узнать, откуда у тебя сведения.

– Дурак или нет, скоро выясним, а наша задача такая: желание сотрудничества должно перевесить в умном менте любопытство. А с дураком – и вовсе без проблем.

– Напрасно ты так легко к этому относишься. – Мысленно Док добавил еще кое-что, мол, короткая у людей память, а очень жаль...

– Послушай, – решила я немного утешить его. – Орлову я ничего объяснять не собираюсь, если кто-то в органах заинтересуется его источником информации, выкручиваться придется ему самому, иначе источник мгновенно иссякнет, ну а если заинтересуются ребята...

– А почему бы и нет? – разозлился Док. – Продажных ментов полно, конечно, ты об этом знаешь, но что толку, раз и они про тебя уже будут знать?

– Если у мальчиков имеются в голове извилины, они не купятся на байку мента: я месяц как в городе, знакомств в их среде у меня нет. Просто вечерами люблю просаживать в казино свои денежки, но какое это имеет отношение к беде, приключившейся с господином Тепловым? – Правда, в прошлый раз ребята на логику не напирали, а меня так и не выслушали – в этом Док, конечно, прав. Но два года назад я была чрезвычайно далека от таких дел, а сейчас у меня опыт, точнее, не опыт, а знания... Даст бог, пригодятся. – В любом случае обсуждать все это поздно, – вздохнула я. – Я уже позвонила, уже назвалась, и он уже собрался в гости.

– Будем надеяться, что Орлов – человек порядочный, – проронил Док с таким видом, точно сильно в этом сомневался. Иногда он бывает прав.

Я сидела в кресле у окна и пыталась читать, взгляд то и дело возвращался к стрелкам часов. Хотя о точном времени с Орловым мы не договаривались, я начала нервничать. Док возился в кухне, готовил ужин, утверждая, что физическая работа его успокаивает. Я предложила ему уйти, в ответ он так посмотрел на меня и наградил такими мыслями, что я юркнула в свою комнату, замурыкав невпопад: «Лютики-цветочки у меня в садочке...»

Док успел приготовить ужин, и мы успели его съесть, а мент все не шел.

– Может, не явится? – усомнился Док, а я удивилась:

– Шутишь? Он же должен быть любопытным... хоть немного. Работа у него тяжелая, график ненормированный, придется подождать.

Только-только я закончила лить слезы по поводу нелегкой ментовской доли, как в дверь позвонили.

– Я открою, – заявил Док почему-то шепотом. Я осталась в кресле. Док распахнул входную дверь, я прислушалась: судя по тишине, в прихожей случилась небольшая заминка. Видимо, Орлов никак не ожидал увидеть импозантного мужчину в хорошем костюме и решил, что попал не туда или того хуже: его попросту разыграли.

– Проходите, Евгений Петрович, – крикнула я, чтобы его успокоить.

– Как вы догадались, что это я? – спросил он, входя в комнату. – Даром предвидения обладаете?

– Все проще. – Я улыбнулась как можно душевнее. – К нам никто не заглядывает, а вас я ждала. Садитесь, пожалуйста, и почувствуйте себя как дома. Если желаете, можно организовать выпивку.

– Спасибо, – слабо усмехнулся он и сел в кресло напротив.

Док, войдя в комнату следом, немного поскучал у порога и исчез в кухне.

– Признаться, Варвара Сергеевна, вы меня заинтриговали. А теперь и лицо ваше мне кажется знакомым. Мы часом раньше не встречались?

– Встречались, – кивнула я, улыбаясь еще шире. – Больше двух лет назад.

Он внимательно смотрел на меня, молчал и даже хмурился. Где-то через пару минут сказал:

– Не может быть...

– Может, – хмыкнула я.

– Вы вроде бы уехали из города? А теперь вернулись?

– Да, начала скучать.

– Замуж вышли, супруг за границей, а вы к российским берегам?

– Точно. Просто у меня какое-то стойкое неприятие заграницы, боюсь с тоски умереть, не годный я для эмиграции человек.

– Вы здорово изменились, – покачал он головой вроде бы с досадой. – Не узнать. Замужество на пользу пошло?

– Еще как. Ничто не красит женщину больше, чем настоящая любовь.

– Как же вы с такой любовью да врозь?

– Работа у мужчин всегда на первом месте, приходится проявлять понимание.

Мы внимательно смотрели друг на друга. Не знаю, что высмотрел он, а вот я – все, что хотела. И порадовалась. Боязнь, что с Орловым придется говорить долго, убеждать да уговаривать, разом исчезла. Заготовленная речь показалась смехотворной. Орлов был циником, причем убежденным, в законность верил, как я в обещания рекламы, а слово «справедливость» вызывало у него веселое фырканье. Бандитов он ненавидел зло и упорно по давней ментовской привычке и считал вполне искренне, что их следует вешать на фонарных столбах. Например, вдоль проспекта. Ночью взяли, утром повесили, а рядом их адвокатов, чтоб всякую сволочь не защищали. Висели бы они на фонарях на радость честным людям и для остротки всякой швали.

Таких дельных идей в его голове отыскалось много. Людей с убеждениями я всегда уважала, может, потому, что своих не имела. Помимо этих мыслей, его занимало еще кое-что, а именно карьера. Орлов перешагнул сорокалетний рубеж, звезд с неба не хватал, ментовская зарплата вгоняла в тоску, а постоянные нагоняи от начальства раздражали. Все чаще он с отчаянием думал, что большие чины не предвидятся, знакомств нужных нет, а талантами не блещет, значит, вскорости выйдет он на пенсию, унижительную в силу мизерности суммы, и пойдет

куда-нибудь охранником или, того хуже, сторожем. И будет до конца жизни считать копейки, ходить под начальством да слушать упреки жены.

Как видно, мои пристальные взгляды его немного смутили, Орлов криво усмехнулся, устроился поудобнее в кресле и сказал:

– Что ж, я весь внимание...

– Не надеетесь ли вы услышать захватывающий рассказ? – в ответ усмехнулась я. – Я ведь просто хотела возобновить знакомство... справиться о здоровье вашем, ну и поблагодарить за то, что два года назад вы отнесли ко мне с душевной теплотой.

– И только-то? – усомнился он, а я засмеялась.

– Нет, конечно. У меня есть предложение: давайте объединим усилия, будем бороться с преступностью и одновременно делать вашу карьеру. Выйдете на пенсию генералом. Как вам такая перспектива? Вдохновляет?

– Перспектива радужная, ничего не скажешь, – развеселился он. – Но генералов за просто так не дают.

– А вам не за просто так, вам дадут за доблесть в борьбе с организованной преступностью. Три-четыре удачных дельца каждый месяц, таких, например, как вчерашнее, – и на очередную звездочку можно рассчитывать. Или у вас тоже бардак и звездочки за доблесть не положено?

– Бог миловал, – вздохнул он, посверлил меня взглядом и спросил: – Вы это серьезно? Я не звездочки имею в виду, а вашу осведомленность.

– Вы сами могли убедиться в моей осведомленности, разве нет?

– Смог, Варвара...

– Можно без отчества, – перебила я. – Девушка я молодая, так что не обидите.

– Варя... надеюсь, вы отдаете себе отчет...

– Конечно, – опять перебила я. – Вы ж знаете, я ученая, по-глупому на рожон не полезу...

– Думаете в одиночку осилить бандитов?

– Почему в одиночку? – обиделась я. – А вы? А прокуратура? Нет, в одиночку я бы не стала...

– И как вы надеетесь получать сведения, ведь речь идет именно об этом, да?

– Это, извините, мое дело. Ваше – бандитов и жуликов арестовывать.

– Арестовать я всегда рад, если повод есть. Ну и засадить надолго тоже, было бы за что...

Много у нас в городе всякой дряни развелось. Но...

– Евгений Петрович, – развела я руками. – Опять вы за свое? Я подставляться не собираюсь, а вы человек умный, придумаете, что своим рассказать... по непроверенным данным, и все такое. Может, я выражаюсь неправильно, извините. Знания у меня о вашей работе исключительно книжные, да вот беда: детективы не люблю, так что даже с этими знаниями туго. Но вчера на вашу работу смотреть было приятно, хоть и не дали полюбоваться вдоволь: прогнали. А жаль, очень впечатляло.

– Значит, вы еще и проверить решили, как мы сработаем? – покачал он головой.

– И вовсе не проверить. Любопытство одолело.

– Черта извинительная... – Орлов поразмышлял и вновь принялся меня увещевать, но уже больше для вида: – Вы стали женщиной редкой красоты и к чужим секретам доступ имеете, из этого я делаю вывод: есть у вас друг, который любит делиться с вами секретами. По опыту знаю, такие долго не живут. У преступников контрразведка отлажена будь здоров, вашего мальчика, каким бы хитрецом он ни был, в конце концов вычислят, а он и вас за собой потянет. Что дальше, вы сами хорошо знаете. Могу только добавить: второй раз вам вряд ли повезет. В том смысле, чтобы выжить.

– Странный вы человек, – обиделась я. – Женщина жаждет послужить правосудию, а вы ее отговариваете...

– Не отговариваю, а предостерегаю, – усмехнулся он. – Обязан, между прочим.

– Ну вот, а я в книжках читала, вы народ вербуете, чтобы на вас работали. Вроде бы даже деньги платите. А я из идейных побуждений...

– Хорошо, – хохотнул он. – А чего вы хотите от меня? Неужто одни идеи и никакого интереса?

– Есть интерес, каюсь. Обмен информацией. Кое-какие сведения о ваших подопечных, только то, что способно помочь в моей работе. Как видите, ничего особенного не прошу. Что ж, по рукам?

К этому моменту в голове Орлова бродило множество мыслей, суть их сводилась к следующему: «Девка вообразила себя Матой Хари, ну и черт с ней, пусть выпендривается. Мне от этого вреда никакого. О ней можно помалкивать, если узнает что путное – явная польза, а сгорит, что ж... я предупредил».

– Соглашайтесь, – засмеялась я. – Не пожалеете. Опять же, вы ничем не рискуете, а генералом, может, и станете, чем черт не шутит, когда бог спит.

И мы ударили по рукам. Явился Док, принес коньяк, кое-какой закуски, и мы втроем усидели бутылочку, разговаривая мирно и с интересом, все больше о криминальной обстановке в городе. Она внушала печаль органам и тревогу гражданам.

Док выглядел задумчивым, но в разговоре участвовал и слушал внимательно.

Уже ближе к одиннадцати, договорившись, куда и как мне надлежит звонить, придумали разные хитрые словечки на всякий случай, наподобие пароля, и Орлов отправился домой. На мгновение у него мелькнула мысль: кто кого завербовал сегодня? Мысль эта мелькнула и исчезла, не приобретя опасного размаха, и я с облегчением вздохнула.

– Ты довольна? – спросил Док. Я мыла посуду, а он курил, стоя возле форточки.

– Я буду довольна, когда из нашей дружбы выйдет что-либо путное.

На следующий вечер мы опять отправились в казино и две недели ходили туда, как на работу. Казино были разные, и люди в них тоже, а вот мысли у этих людей совершенно неинтересные. Конечно, кое-что удалось выудить, но так, мелочевку. Беспokoить Орлова по пустякам не хотелось. Он тоже мне не звонил, и жизнь начала пугать откровенной скукой.

От этой самой скуки я стала звонить в милицию и сообщать о различных происшествиях: например, свинтили колесики у «Волги», оставленной хозяином возле подъезда по такому-то адресу, так найти их можно в гараже у гражданина такого-то, адрес также прилагался. Что характерно, в органах к моим звонкам относились не только недоверчиво, но вроде бы даже злились на подобную осведомленность. Ну свинтили колесики и свинтили, нечего тачку без присмотра бросать на всю ночь, для этого есть платные автостоянки, заявление от потерпевшего приняли, что еще надо? Я была настойчива и этим раздражала еще больше. Звонить из квартиры не рисковала, а из автомата было неудобно: мало их, и очереди большие.

Вечерами мы исправно ходили в казино, а днем я звонила. Подозреваю, у ментов вырос на меня большой зуб, и они бы его с удовольствием рванули, бросив все силы на розыск непрошеного помощника, но, как говорится, не судьба.

Я всерьез беспокоилась, что так и останусь юным другом милиции, а Орлов умрет в майорах, но тут неожиданно привалила удача. Причем, как всегда случается в жизни, не просто привалила единожды, а пошла точно рыба в нерест, только успевай звонить Орлову.

Сначала он воспринимал информацию спокойно, потом насторожился, а затем вроде бы даже испугался. Не выдержал и спросил:

– Откуда вы черпаете ваши сведения?

«Прямо из голов бандитов», – едва не брякнула я, но вовремя опомнилась.

Такой великий улов объяснялся просто: активизацией противозаконной деятельности (надо полагать, на людей весна действовала) и сменой моей штаб-квартиры, если можно так выразиться. Казино в городе было больше десятка, я-то поначалу выбирала самые приличные, и, как выяснилось, – напрасно. Отправившись однажды поздно вечером на ловлю дурных мыс-

лей в очередное злачное место, я вдруг заприметила заведение, расположенное в полуподвале древнего строения (когда-то, еще до моего рождения, здесь размещался кинотеатр). Окна были скрыты жалюзи, над дверью, массивной по виду, висел фонарь, а какая-либо вывеска отсутствовала.

– Док, давай подъедем поближе, – попросила я и ткнула пальцем в фонарь.

Мы подъехали, и вывеску я все-таки смогла разглядеть: слева от двери, неброскую, очень небольшого размера. Золотые буквы на голубом фоне сообщали, что за массивной дверью располагается казино, а также стриптиз-бар.

– По виду – притон, – заметил Док, сдерживая дрожь в голосе, злачные места он в принципе не уважал, а такие, с малюсенькой вывеской, его попросту пугали.

– Здесь ничего не сказано о том, что мы не можем войти, – возразила я и, обнаружив на стене кнопку, позвонила.

Ожило переговорное устройство, и мужской голос без намека на вежливость спросил:

– Чего надо?

– Попасть в казино, – удивилась я. – Если у вас вход по пропускам, то у меня его нет, пароль я тоже забыла, зато немного денег с собой прихватить догадалась.

Я еще не закончила своей речи, а дверь уже распахнулась. Парень лет двадцати с глазами навыкате, бритой головой и именем Витя на правой руке посмотрел на нас и кивнул.

– В казино? – переспросил он без особого интереса.

– Да, если вы не против, – раздвинув рот до ушей в дружеской улыбке, сообщила я. – Мы в первый раз. – Скромность вывески произвела впечатление.

– Проходите, – опять кивнул парень и даже добавил: – Пожалуйста.

«Чужак, – глядя на Дока, машинально отметил его мозг. – Какой-нибудь бизнесмен (далее следовал скабресный эпитет, даже не один, а целых три), баба класс... тоже не из наших и на шлюху не похожа...» Он еще немного поразмышлял обо мне, а я успокоилась: ничего злодейского по отношению к нам не затевалось.

Тут из бокового коридора возник молодой человек в костюме, белой рубашке и полосатом галстуке, затылка не брил, а улыбался и разговаривал исключительно вежливо. Начал:

– Добрый день, господа. – Объяснил, что у них тут имеется и в какую дверь стоит войти, в какую выйти, чтобы получить максимум удовольствия, а закончил словами: – Желаю приятно провести вечер.

– Видишь, Док, – порадовалась я. – Везде цивилизованные люди, а ты не хотел идти.

Игорный зал был один и очень большой, а посетителей не так много. Кстати, называлось это чудо «У Рашели», и я пялила глаза, пытаюсь углядеть эту самую Рашель. Не обнаружила и решила, что никакой Рашели в действительности не существует, а назвали так потому, что красиво, отдает заграницей и вообще... Доку название не понравилось, а публика и того меньше, и он начал вредничать:

– Это не казино, а самый настоящий притон.

Я к этому моменту уже осмотрелась, то есть прислушалась и потому ответила с усмешкой:

– Нет, Док, это не притон. Это пещера Али-Бабы, то есть сорока разбойников. Ну-ка пересчитай их, вдруг я ошиблась.

Конечно, далеко не все собравшиеся были отпетыми головорезами, встречались вполне приличные люди, но таких было немного. У большинства карманы и подмышки оттопыривались, глаза холодно мерцали, а сотовые звонили с интервалом в полминуты. Что же касается мыслей, пир для души, ей-богу, а не мысли!

Через полчаса я едва не кусала пальцы и вполне серьезно решила заносить информацию в записную книжку, дабы все запомнить и ничего не перепутать. Док твердо сказал:

– Ты спятила.

Я и сама поняла, что с записной книжкой в руках, лихорадочно что-то строчащая, буду выглядеть довольно подозрительно, и от этой мысли отказалась.

Похныкав немного от обиды, я решила сосредоточиться максимум на трех клиентах и извлечь из них как можно больше пользы, то есть информации.

Приценившись, я выбрала двоих: рослого детину в ядовито-зеленом пиджаке, с огромными золотыми часами на запястье, и совсем молодого курносого парнишку с веснушками рассыпью. Курносый симпатяга оказался киллером, три часа назад он в упор расстрелял человека возле его собственного дома и теперь сильно этому обстоятельству радовался, тискал девушку лет пятнадцати с длинными рыжими волосами и обещал ей в скором времени поездку на Канары.

«На Колыму ты поедешь, – понаблюдав за ним, решила я. – Киллер хренов, пистолет в гараже спрятал, еще радуется, что тайник надежный, как же... завтра же и найдут. И алиби у тебя дохлое, копнут поглубже – и нет никакого алиби, я и копнуть помогу...» Курносый перестал меня интересовать, и я переключилась на Зеленый Пиджак. У того было большое горе, накануне погиб друг, и не просто так погиб, а вознесся к небесам на почти новеньком «Мерседесе» Зеленого Пиджака. Если б только друг – еще полбеды, а в паре с «мерсом» утрата выглядела непереносимой. Правда, сегодня Зеленый купил новую машину (не совсем новую, а почти, это тоже обидно), на ней, кстати, сюда и приехал. Из-за этого дурацкого взрыва деньги, можно сказать, были выброшены на ветер. Одно радовало: пластмассовая хреновина, подвешенная к днищу прежней тачки, предназначалась самому Зеленому Пиджаку, так что, как ни крути, горе горем, а вроде бы повезло... Мысль о везении оборвалась, и пошли совсем другие: кто-то эту штуку подвесил? Кто подвесил, дело десятое, а вот кому это выгодно, Зеленый Пиджак знает очень хорошо (Зеленым я продолжала называть его из вредности, имя, фамилия и даже адрес, по которому он проживал, к этому моменту мне уже были известны). Он задумался о своих недругах, и в его голове быстренько созрела идея, как с ними покончить. Идея не блистала особой оригинальностью, но, надо отдать Зеленому должное, могла нанести врагам ощутимый урон, как материальный, так и моральный.

Через пару часов Док проиграл всю наличность, я тоже была близка к этому, и мы с чистой совестью покинули заведение.

Молодой человек с вежливой улыбкой и полупоклоном проводил нас словами:

– Всегда вам рады.

– В следующий раз проиграй побольше, – сказала я Доку уже в машине. – Чтоб люди больше радовались.

– По-твоему, я нарочно проигрывал? – обиделся он.

Док иногда жадничал и всерьез думал, что деньги, которые мы бездарно выбрасывали на ветер, пригодились бы какой-нибудь больнице, могли бы, к примеру, улучшить психам питание... В этом месте он себя одергивал и вовсе переставал думать о деньгах.

Я вглядывалась в темноту за окном, с вождением высматривая телефон. Мне не терпелось позвонить Орлову. Звонил Док, так как Евгения Петровича пришлось беспокоить дома (рабочий день давно закончился, да и время было уже позднее – или, наоборот, раннее, кому как нравится), трубку могла снять супруга и разгневаться, услышав мой голос.

Трубку снял Орлов, буркнул недовольно:

– Да, – а Док торопливо передал телефон мне, нашего бравого майора он почему-то побаивался. Я извинилась и быстренько изложила, по какой надобности звоню, но все равно это заняло много времени.

Орлов слушал внимательно, ни разу меня не перебил и, только когда я замолчала, поинтересовался:

– Это точные данные?

– Шутите? – ахнула я. – Я знаю только то, что знают эти двое... Сама я шуток не люблю, уж вы мне поверьте.

– Подождите, – со вздохом сказал он. – У меня возникли вопросы, и кое-что вам придется повторить, я запишу.

Я охотно повторила все, что он хотел. Простились с теплотой в голосе.

– Не нравится мне все это, – ворчал Док по дороге домой.

– Что не нравится? Борьба с преступностью? – удивилась я. – Ты же честный человек. И гражданин. Должен всемерно способствовать...

– Ты считаешь, что таким способом можно бороться с бандитами? – нахмурился он.

– А как же еще?

– Не знаю. Но то, что ты делаешь, опасно и как-то... – Он не рискнул произнести слово, рвущееся с языка, и отвернулся, почувствовав себя виноватым. Немного погодя спросил: – Чего ты добиваешься? Хочешь всех пересажать в тюрьму?

– На такое не махаюсь, – хмыкнула я. – Вряд ли это возможно. Хотя было бы неплохо.

– Варвара, мы ведь не пойдем туда завтра? – вдруг спросил он.

– Завтра? Обязательно. Мне там понравилось, опять же, ты не успел насладиться стриптизом, непременно загляни.

В ближайшие недели жизнь моя наполнилась смыслом, а у органов работы прибавилось: трудились мы рука об руку. Однако посещать каждый вечер притон «У Рашели» я не рисковала, да и сигнализировать Орлову обо всех новостях в ту же ночь тоже не спешила. Во-первых, нельзя человека то и дело тревожить по ночам. Ночью ему положено отдыхать. Во-вторых, какой-нибудь умник мог свести воедино мой вчерашний визит и сегодняшнюю прозорливость родной милиции. А если уж ребятишкам что-то в голову западет, разубедить их, как правило, трудно. В общем, информацию я придерживала и выдавала дозированно. Со временем вошла во вкус, ерундой не занималась, приберегая для Орлова самые лакомые кусочки.

Увлечшись, я не сразу заметила, что заведение «У Рашели» начало хиреть. То есть само заведение внешне ничуть не изменилось, а вот постоянные посетители куда-то исчезли. Обстановка стала нервной, разговоры почти прекратились, зрачки сурового вида мужчин хищно сужались, общая атмосфера напоминала прифронтовую.

В остальных ночных заведениях наблюдалось примерно то же. Одним словом, ряды редели, причем не только из-за резко возросшего процента удачно проведенных соответствующими органами операций. Чувствуя, что происходит нечто непонятное, активно заработала вражеская контрразведка. Жертвы исчислялись десятками, положение не улучшалось, и тогда начался форменный психоз. Рвались старые связи, дружба со школы гроша ломаного не стоила, каждый верил только самому себе и то как-то неохотно.

Одно хорошо: умника до сих пор так и не нашлось, никто навалившуюся беду со мной не связывал. Не знаю, как на службе выкручивался Орлов, а вот я в казино вела себя скромно, но независимо. Если у кого-то возникал ко мне заметный интерес, я извинялась и звала Дока, от разговоров решительно уклонялась и за все время шатания по злачным местам не свела ни одного знакомства.

Док, видя, что вокруг творится такое, нервничал и своего страха больше не скрывал. Как-то вечером мы подъехали к любимому казино и обнаружили на массивной двери табличку: «Закрито».

– Неужто они все кончились? – удивилась я.

– Кто? – вытаращил глаза мой спутник.

– Ну... – Я вздохнула и побрела к машине.

Мы поехали в другое местечко, потом в третье... публики мало, и выглядит невесело. Я тоже загрустила. Допустим, моими стараниями пересажают всех, кого можно зацепить, и

что? Надо полагать, появятся другие деятели, придется ждать, когда они тоже дел наворотят, и опять сажать. Как-то это глупо, по-моему. И неинтересно.

Орлов радовался происходящему, ходил гоголем и в самом деле поверил, что помрет в генералах. Любопытен он был до безобразия и все приставал с вопросами. Как-то в досаде я послала его к черту и заявила, что он тоже не безгрешен, у меня и на него кое-что есть. Уточнять что – не стала. Он не поинтересовался, но запечалился. Ко мне начал относиться настороженно, моя осведомленность его пугала, и время от времени в голове у него появлялась мысль, что связался он со мной не к добру. А тут еще Док подлил в огонь маслица: как-то в одно из посещений Орлова принялся рассказывать о шагреновой коже (Док тяготел к классике и от безделья взялся перечитывать Бальзака). Орлов, не сумевший ранее свести короткого знакомства с Бальзаком, сначала слушал с интересом, а потом начал смотреть на меня с тоской и забивать свою голову всякой чертовщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.